

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций
Свидетельство № 015372 от 02.11.1996 г.

Журнал входит в систему Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)

Председатель редакционного совета:

кандидат технических наук, доцент

Андрей Валерьевич Федичев

Главный редактор:

доктор экономических наук, профессор

Борис Борисович Леонтьев

Шеф-редактор,

заместитель Главного редактора:

Григорий Иванович Макаренко

Учредитель и издатель:

Федеральное бюджетное учреждение
«Научный центр правовой информации
при Министерстве юстиции Российской
Федерации»

Отпечатано в РИО НЦПИ при Минюсте России.

Печать цветная цифровая.

Подписано в печать 15.06.2015 г.

Общий тираж 500 экз. Цена свободная.

Адрес редакции:

125437, Москва, Михалковская ул,
65, стр.1

Телефон: +7 (495) 539-25-29

E-mail: inform360@yandex.com

Требования, предъявляемые к рукописям,
размещены на сайте

<http://www.informatika360.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНФОСФЕРЕ III. «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОРУЖИЕ»

Ловцов Д. А. 4

ДОГОВОР КАК МЕЖОТРАСЛЕВАЯ КАТЕГОРИЯ

Козлова Е. Б. 10

СОДЕРЖАНИЕ ПРОГРАММЫ И МЕТОДИК ПРОВЕДЕНИЯ АТТЕСТАЦИОННЫХ ИСПЫТАНИЙ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ НА СООТВЕТСТВИЕ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ ИНФОРМАЦИИ

Макеев С. А. 19

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Алиев С. Б. 24

РЕКЛАМНАЯ ФЕЕРИЯ: ПРОВЕДЕНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Иванова Ж. Б., Нечаева Е. А. 34

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФИКЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Федоров Д. А. 39

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И УНИФИКАЦИЯ КАК ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Боевец Л. А. 43

ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА ГРАЖДАНИНА НА ИЗОБРАЖЕНИЕ

Ильютрович Д. А. 47

ABSTRACTS, KEYWORDS AND REFERENCES 53

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ФЕДИЧЕВ Андрей Валерьевич

Председатель редакционного Совета, кандидат технических наук, доцент, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, г. Москва

АЛИЕВ Самат Бикитаевич

Доктор технических наук, профессор, академик РАЕН, заместитель директора департамента развития предпринимательской деятельности Евразийской экономической комиссии, г. Москва

БУСОВ Владимир Иванович

доктор экономических наук, профессор, зав.кафедрой Государственного университета управления, г. Москва

ВИНСЛАВ Юрий Болеславович

доктор экономических наук, профессор, главный редактор журнала «Менеджмент бизнес-администрирование», г.Москва

ГОРБЕЦКИЙ Иван Иванович

заместитель директора департамента Министерства юстиции Российской Федерации, г. Москва

КОСТОГРЫЗОВ Андрей Иванович

Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук и Российской академии естественных наук, действительный член Академии информатизации образования, г. Москва

КУРБАНОВ Габил Сурхай оглы

доктор юридических наук, профессор, иностранный член редакционного Совета, г. Баку, Азербайджан

МАМАДЖАНОВ Хамид Абиджанович

доктор технических наук, профессор, г. Москва

СТАРОДУБЦЕВ Юрий Иванович

доктор военных наук, профессор, г. С-Петербург

СТЕПАНОВ Владимир Иванович

доктор экономических наук, профессор, научный редактор научно-практического журнала «ЛОГИСТИКА», г. Москва

ШАРШУН Виктор Александрович

кандидат юридических наук, иностранный член редакционного Совета, Минск, Белоруссия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЛЕОНТЬЕВ Борис Борисович

Главный редактор, доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, г. Москва

АБДУСАЛАМОВ Руслан Абдусаламович

кандидат юридических наук, доцент, г. Махачкала

АТАГИМОВА Эльмира Исамудиновна

кандидат юридических наук, ответственный секретарь, г. Москва

ВЕТРОВ Александр Григорьевич

кандидат физико-математических наук, начальник отдела аппарата Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, г. Москва

ГРЕЧИШНИКОВ Евгений Владимирович

доктор технических наук, доцент, г.Орел

ГУЛКА Зинаида Николаевна

доктор философии в технике, профессор, иностранный член, г. Кишинев, Молдова

КОСТОГРЫЗОВ Андрей Иванович

Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук и Российской академии естественных наук, действительный член Академии информатизации образования, г. Москва

ЛАЗАРЕВ Виктор Михайлович

доктор технических наук, профессор, г. Москва

ЛЕОНТЬЕВ Борис Борисович

доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, г. Москва

МАКАРЕНКО Григорий Иванович

шеф-редактор, заместитель Главного редактора, г. Москва

МАРКОВ Алексей Сергеевич

доктор технических наук, доцент, генеральный директор НПО Эшелон, г. Москва

МИНДРОВА Екатерина Анатольевна

кандидат юридических наук, г. Чебоксары

СТАРОДУБЦЕВ Юрий Иванович

доктор военных наук, профессор, г. С-Петербург

ТАНИМОВ Олег Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, г. Москва

ШИХНАБИЕВА Тамара Шихгасановна

доктор педагогических наук, академик Академии информатизации образования, профессор, г. Москва

EDITORIAL COUNCIL

Andrey FEDICHEV	Chair of the Editorial Council, Ph.D. in Technology, Associate Professor, Actual State Councillor of the Russian Federation, 2nd class, Moscow
Samat ALIEV	Doctor of Science in Technology, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Deputy Director of the Entrepreneurship Development Department of the Eurasian Economic Commission, Moscow
Vladimir BUSOV	Doctor of Science in Economics, Professor, Head of Department of the State University of Management, Moscow
Yuriy VINS LAV	Doctor of Science in Economics, Professor, Editor-in-Chief of the Management and Business Administration Journal, Moscow
Ivan GORBETSKIY	Deputy Director of Department of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow
Andrey KOSTOGRYZOV	Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Science in Technology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences and the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the Academy of Informatisation of Education, Moscow
Gabil KURBANOV	Doctor of Science in Law, Professor, foreign member of the Editorial Council, Baku, Azerbaijan
Khamid MAMADZHANOV	Doctor of Science in Technology, Professor, Moscow
Yuriy STARODUBTSEV	Doctor of Military Science, Professor, Saint-Petersburg
Vladimir STEPANOV	Doctor of Science in Economics, Professor, Science Editor of the Logistics Research and Practice Journal, Moscow
Viktor SHARSHUN	Ph.D. in Law, foreign member of the Editorial Council, Minsk, Belarus

EDITORIAL BOARD

Boris LEONTYEV	Editor-in-Chief, Doctor of Science in Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow
Ruslan ABDUSALAMOV	Ph.D. in Law, Associate Professor, Makhachkala
Elmira ATAGIMOVA	Ph.D. in Law, Executive Secretary, Moscow
Aleksandr VETROV	Ph.D. in Physics and Mathematics, Head of Division of the Central Office of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow
Evgeniy GRECHISHNIKOV	Doctor of Science in Technology, Associate Professor, Oryol
Zinaida GULKA	Ph.D. in Technology, Professor, foreign member of the Editorial Board, Chişinău, Moldova
Andrey KOSTOGRYZOV	Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Science in Technology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences and the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the Academy of Informatisation of Education, Moscow
Viktor LAZAREV	Doctor of Science in Technology, Professor, Moscow
Boris LEONTYEV	Doctor of Science in Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow
Grigoriy MAKARENKO	Managing Editor, Deputy Editor-in-Chief, Moscow
Aleksey MARKOV	Doctor of Science in Technology, Associate Professor, NPO Echelon Director-General, Moscow
Ekaterina MINDROVA	Ph.D. in Law, Cheboksary
Yuriy STARODUBTSEV	Doctor of Military Science, Professor, Saint-Petersburg
Oleg TANIMOV	Ph.D. in Law, Associate Professor, Moscow
Tamara SHIKHNABIEVA	Doctor of Science in Paedagogics, Academician of the Academy of Informatisation of Education, Professor, Moscow

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНФОСФЕРЕ

III. «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОРУЖИЕ»

*Ловцов Д. А.**

Цель работы: совершенствование научно-методической базы теории информационного права в области обоснования лингвистического обеспечения систем правового регулирования (правовых эргасистем).

Метод: анализ структуры правовой эргасистемы и концептуально-логическое моделирование сознания (личности) информационного деятеля в информационной сфере, классификация видов «информационного оружия».

Результаты: на основе анализа информационно-кибернетического контура правового регулирования, функционально-логической организации правосознания как самоорганизующегося, латентного, малоустойчивого звена, осуществляющего передачу строго детерминированных правовых предписаний на регулируемые правоотношения, форм его искажения под воздействием «информационного оружия» и концептуально-логического моделирования сознания (личности) информационного деятеля как основного объекта информационного воздействия выявлены и определены базовые виды «информационного оружия», такие как: средства массовой информации и агитационно-пропагандистские средства, психотронные средства, электронные средства (радиоэлектронные, опто-электронные, электронно-вычислительные), лингвистические средства, психотронные средства. Показаны прикладные возможности данных определений.

Обоснованная структурно-феноменологическая модель личности (сознания) информационного деятеля включает четыре основных компонента: духовное, психическое, физическое и разумное, которое, в свою очередь, как духовно-психо-физический аппарат включает компоненты: Эго, Супер-Эго, Ид, Интра-Ид, являющиеся объектами непосредственного воздействия соответствующих видов «информационного оружия».

Проведенная продуктивная классификация (по отношению к основному объекту воздействия) возможных видов «информационного оружия» позволяет определить его с учётом иерархии уровней в системе государственного управления как совокупность специальных средств, технологий, информации и дезинформации, применяемой для деструктивных воздействий на менталитет населения (персонала эргасистем) и информационно-техническую инфраструктуру государства.

Ключевые слова: правовое регулирование, информационный деятель, правосознание, сознание, модель, информационное воздействие, информационное оружие, средства массовой информации, психотронные средства, электронные средства, лингвистические средства, психотронные средства, ценность информации.

* **Ловцов Дмитрий Анатольевич**, доктор технических наук, профессор, заместитель по научной работе директора Института точной механики и вычислительной техники им. С. А. Лебедева Российской академии наук, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Российского государственного университета правосудия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: dal-1206@mail.ru

По целевому предназначению *система правового регулирования* является сложной открытой, неравновесной (и в силу этого незавершённой) социальной информационно-кибернетической системой, обеспечивающей правовое регулирование общественных отношений, характеризующейся высокой степенью динамичности, неустойчивости и неопределённости [1].

Конструктивно *система правового регулирования* (правовая эргасистема [2]) представляет собой единое образование множества компонентов и связей, находящихся в сложных отношениях между собой, обладающее новыми свойствами структурной и функциональной *целостности*, т.е. *эмерджентности* (от англ. *emergent* – неожиданно возникающий) – появления нового качества в статике и *синергизма* (от греч. *συnergyos* – вместе действующий) – повышения эффективности в динамике, не сводящимися к свойствам входящих в это образование компонентов и связей. То есть финальная эффективность организованной эргасистемы всегда выше эффективности совокупности (комплекса) компонентов и связей, а качество организованной системы представляет собой сумму свойств отдельных компонентов и связей и новых, эмерджентных (системных) свойств.

Базовыми взаимосвязанными функциональными компонентами (подсистемами) *системы правового регулирования* (международной, национальной, федеральной, территориальной) являются следующие три: *правовая система* (позитивное право; правовые институты; правовая наука, формируемая на основе «теоретического правосознания» юристов); *правосознание* (индивидуальное, групповое и общественное¹); *правоотношения*.

При этом информационно-кибернетическая цепочка правового регулирования выглядит следующим образом: «правовая система – нормативная правовая информация (правовые предписания R) – правосознание – осознанные правовые предписания R^0 – правоотношения – ненормативная (статистическая и др.) правовая информация $Q(\Delta)$ о качестве Δ соблюдения правовых норм (правовая реализация) – правосознание – логически обработанная ненормативная (статистическая и др.) пра-

вовая информация $Q^0(\Delta)$ – правовая система²» [1].

Особенность данного двухуровневого контура правового регулирования состоит в том, что *правосознание*, являющееся самоорганизующимся, латентным, малоустойчивым звеном, осуществляет передачу строго детерминированных управляющих воздействий – правовых предписаний R на регулируемые правоотношения. При этом оно практически постоянно подвергается деструктивному информационно-психологическому воздействию (агитация, пропаганда, инфозомбирование [3], «25-й кадр», гипноз и др.) государственных и иных структур («независимых» СМИ, «интернациональных» некоммерческих организаций, «культурных реформаторов» народного образования и др.), влияющему на формирование правовых установок (механизмов регуляции деятельности) и интенцию (направленность) субъектов-правоприменителей. Что обусловлено причинами как субъективного (переоценка прежних взглядов, представлений и идей, снижение уровня жизни и др.), так и объективного (ухудшение экономической ситуации в стране, ослабление политической системы государства и криминализация общества, несовершенство действующего законодательства, упадок нравственного и духовного состояния общества, усиление социальной напряженности в обществе и др.) характера.

Под *правосознанием* понимается совокупность представлений, взглядов, идей и чувств, выражающих субъективное отношение отдельного человека, группы людей, масс, человеческого сообщества к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным [4, 5].

Можно выделить три основные функции правосознания: познавательную, оценочную и регулятивную, которым соответствуют три основных взаимосвязанных прагматически значимых интеллектуально-психологических компонента (информационный, эмоциональный, эмоционально-волевой) правосознания, определяющие *функционально-логическую организацию* правосознания (см. табл.).

В частности, интеллектуально-информационный компонент представляет собой совокупность правовых знаний (знание правовых норм) и пред-

¹ Современное общественное правосознание имеет следующие значимые формы: правовая идеология («теоретическое правосознание»), правовая психология («эмпирическое правосознание»), политико-правовые учения, правотворчество («правовая эстетика»), правоведение (правовая наука). Развиваются также такие формы, как правовая философия, религиозное право, правовая этика («моральное право»).

² Практическая реализация двух последних звеньев цепочки регулирования носит в настоящее время в значительной степени декларативный, а не прагматический характер. Данное обстоятельство, в частности, обуславливает необходимость создания и развития сети специальных государственных информационно-аналитических центров (ИАЦ) правовых институтов, включая ИАЦ судебной системы.

Функционально-логическая организация правосознания

Основные функции правосознания	Интеллектуально-психологические компоненты	Результаты функционирования	Эмпирические показатели
Познавательная	Интеллектуально-информационный	Правовая грамотность	Юридические знания и умения
Оценочная	Интеллектуально-эмоциональный	Ценностное отношение к праву и практике его применения	Оценочные суждения (мнения)
Регулятивная	Интеллектуально-эмоционально-волевой	Правовые установки и интенция	Поведенческие позиции (решения)

ставлений о праве (правовая идеология). Получаемая в процессе правового воспитания определённая сумма юридических знаний (правовая грамотность) соответствует познавательной деятельности. Оценочной функции отвечает система оценок и мнений по юридическим вопросам или ценностное (оценочное) отношение к праву, к практике его использования и применения. Действие регулятивной функции проявляется в формировании правовой ориентации (направленности или интенции) и правовых установок.

В результате деструктивного информационно-психологического воздействия с применением средств так называемого «информационного оружия» [6] возможны различные деформации (правовой инфантилизм, правовой нигилизм, перерождение правосознания [4, 5]) и даже кризис правосознания (тяжелое переходное состояние во взглядах, чувствах, убеждениях, идеях граждан, выражающих их отношение к правовым явлениям общественной жизни).

Правовой инфантилизм – наиболее мягкая форма искаженного правосознания, выражающаяся в нечёткости правовых взглядов, знаний, представлений, установок и интенции. *Правовой нигилизм* – тяжелая форма искаженного правосознания, выражающаяся в скептическом отношении к праву и в осознанном игнорировании требований законодательства. *Перерождение правосознания* – самая тяжелая форма искаженного правосознания, выражающаяся в переходе к преступным установкам и неправомерной интенции.

Поскольку правосознание является специфической сферой сознания, то его функционально-логическую организацию (см. табл.) можно интерпретировать с учётом *концептуально-логи-*

ческой организации самого сознания современного гражданина информационного общества (в частности, информационного деятеля), а также возможностей негативных информационных воздействий на него, в частности, «деформирующих» правосознание.

Соответствующая структурно-феноменологическая модель сознания (личности) информационного деятеля, согласно современным теориям личности [7, 8], включает четыре основных компонента: *духовное, психическое, физическое и разумное* (см. рисунок).

Разумное представляет собой духовно-психофизический аппарат понимания, познания, осмысления и творчества, в котором можно выделить ещё четыре компонента [6, 9, 10]:

Эго (от лат. *ego* – я) – врождённый компонент разумного аппарата, ответственный за протекание интеллектуальных информационных процессов принятия решений в соответствии с *принципом реальности* (сохранения целостности организма путём отсрочки удовлетворения инстинктов до того момента, когда будет найдена возможность достичь разрядки подходящим способом и/или будут найдены соответствующие условия во внешней среде), и действующий на всех уровнях сознания (бессознательное, предсознание, сознание);

Супер-Эго (от лат. *super* – сверх и *ego* – я) – компонент разумного аппарата развивающейся (во взаимодействии с окружающими) личности, представляющий «интернализированную» версию общественных морально-этических и социально-правовых норм и стандартов поведения и действующий на всех уровнях сознания. Иначе, Супер-Эго – это индивидуализированное отражение «коллективной совести» социума;

Ид (от лат. *id* – оно) – бессознательное как инстинктивные врожденные или приобретенные аспекты личности, «функционирующие» в соответствии с *принципом удовольствия* (немедленной разрядки психической энергии, производимой биологически обусловленными побуждениями [11]) и целиком неосознаваемые;

Интра-Ид (от лат. *intra* – внутри и *id* – оно.) – коллективное бессознательное как врожденные или приобретенные тенденции реагировать эмоционально, когнитивно и поведенчески на конкретные ситуации и объекты в соответствии с определенными архетипами (первичными психическими образами, отражаемыми в виде символов, которые проявляются, например, в религии, литературе, живописи, а также в обычных сновидениях [12]), находящееся в основе индивидуального бессознательного.

Гармонизация всех компонентов личности – сложный процесс её развития. Истинной уравновешенности личностных структур практически можно достичь не ранее среднего возраста в результате постоянного приобретения знаний и жизненного опыта. В течение этого срока личность как информационный деятель может вступать в различные информационные отношения (сотрудничества, соперничества, защиты, изоляции [2]) и подвергаться прямо или косвенно деструктивным информационным воздействиям с применением так называемого «*информационного оружия*».

Главная опасность информационного оружия состоит в том, что оно, *во-первых*, может целенаправленно и систематично применяться в обычной мирной обстановке и, *во-вторых*, оказывать негативное и даже разрушающее влияние на личность на всех уровнях её информационных потребностей.

Согласно рассмотренной модели личности (сознания) как основного объекта информационного воздействия можно к видам «информационного оружия» условно отнести пять соответствующих совокупностей или групп средств, применяемых для деструктивных (дезориентирующих, дезинформирующих, дезорганизующих, дестабилизирующих, подавляющих, разрушающих и др.) воздействий на индивидуумы (эргаматы) и на содержательные компоненты реальных эргасистем, соответствующие основным компонентам модели, а именно [13, 14] (см. рис.):

1. *Средства массовой информации* [13] (СМИ: радио, пресса, телевидение) и *агитационно-пропагандистские средства* (электронные учебники и энциклопедии, видеокассеты и др.) как вид информационного оружия массового пораже-

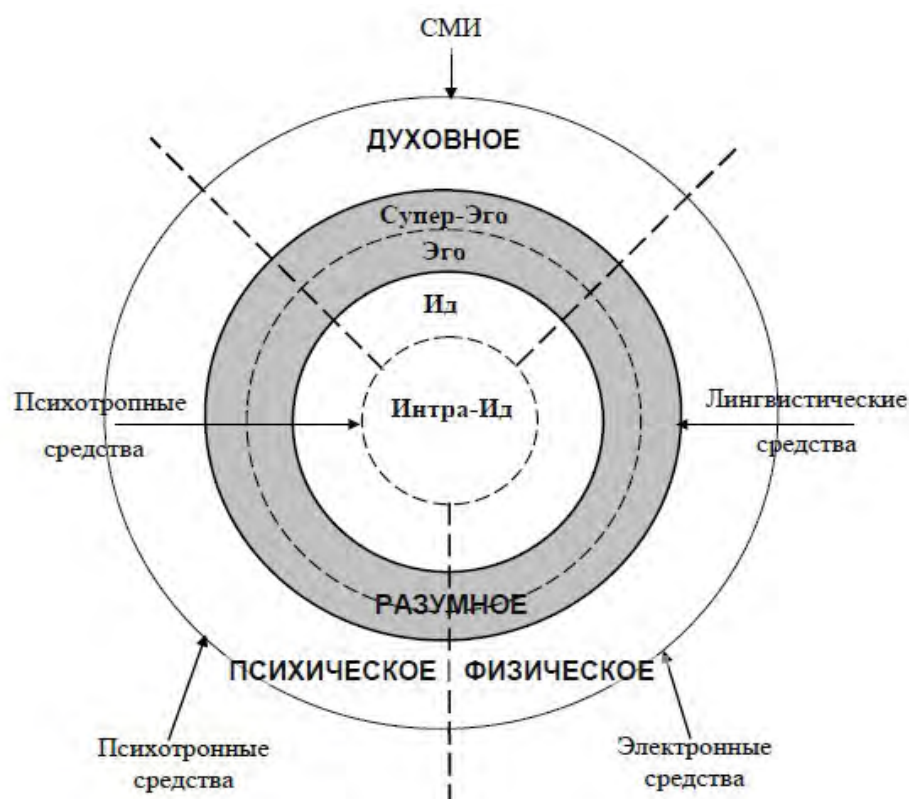
ния, предназначенные для целенаправленного нанесения информационного ущерба, главным образом, духовно-нравственной жизни населения противостоящей (враждебной) стороны и, в первую очередь, его исторической памяти, мировоззрению, морально-нравственным идеалам с целью возможного управления его поведением, а также для создания препятствия аналогичным воздействиям противника (конкурента).

2. *Психотронные средства* (специальные генераторы, специальная видеографическая и телевизионная информация, видеосредства новых информационных технологий типа «Виртуальная реальность» и др.), предназначенные для дистанционного зомбирования населения и персонала эргасистем противостоящей стороны, а также для возбуждения психических и психофизиологических расстройств людей-пользователей систем новых информационных технологий [1] (видеографических и др.) на основе специальной контаминации («смешения») цветовой гаммы, дискретности и интенсивности излучения на экранах мониторов, эффекта «25 кадра» (воспринимаемого только на подсознательном уровне) и др.

Например, известно, что 12 декабря 1997 г. в Японии по национальному телевидению демонстрировался мультфильм, содержащий контаминацию цветовой гаммы, звука, мигания визуальной информации и анимационных кадров на фоне иероглифа, обозначающего смерть, от просмотра которого десятки детей получили психофизические расстройства различной тяжести.

3. *Электронные средства* (специальные передающие устройства и излучатели электромагнитных волн и импульсов и др.; компьютерные «вирусы», разрушающие программные закладки-«черви», спам и др.), включающие:

- *радиоэлектронные средства*, предназначенные для радиоэлектронного подавления и поражения радиоэлектронных средств и сил противника, а также для защиты своих радиоэлектронных средств от радиоэлектронного поражения и подавления;
- *оптико-электронные*, предназначенные для подавления и поражения оптико-электронных средств противника;
- *электронно-вычислительные средства* или *средства информационно-компьютерных технологий* [2] (традиционных электронных и новых), предназначенные для повышения эффективности действия своих эргасистем

**Структурно-феноменологическая модель личности информационного деятеля
и классификация «информационного оружия»**

и средств (в частности, систем оружия и средств распознавания целей и их принадлежности на поле боя), а также для разрушения или искажения информационных массивов (массивов программ и данных), используемых в автоматизированных информационно-ударных системах противника.

4. *Лингвистические средства* (языковые единицы, «специальная» терминология, обороты речи, имеющие семантическую неоднозначность при переводе на другие языки и др.), предназначенные, главным образом, для использования высококвалифицированными специалистами при ведении международных переговоров, подписании и выполнении международных договоров и соглашений между сторонами.

Данные средства могут обеспечить долговременный высокоэффективный результат. Например, в текстах международных Договоров США и СССР об ограничении систем противоракетной обороны от 1972 г., о ликвидации ракет средней и меньшей дальности от 1987 г., о сокращении и ограничении и стратегических наступательных вооружений от 1991 г. можно легко обнаружить следы лингвистической борьбы. Так, наличие всего только одной маловразумительной фразы: «Радиолокационные станции (РЛС) с большими

фазированными антеннами системы предупреждения о пуске баллистических ракет стратегического назначения должны размещаться только на национальной территории, по ее периферии и обращенными вовне», позволило США иметь две РЛС за рубежом своей национальной территории, в Гренландии и Великобритании, а одну – в центре полуострова Аляска на расстоянии 800 – 1000 км от береговой линии мирового океана. В то же время СССР в свое время был вынужден ликвидировать свою РЛС подобного типа, построенную под Красноярском в 800 км от китайской границы.

5. *Психотропные средства* (специально-структурированные лекарства, психофармакологические и психодислептические средства, транквилизаторы, антидепрессанты, галлюциногены, наркотики, алкоголь и др.), предназначенные для воздействия на психику человека на генном или хромосомном уровнях: транквилизаторы разрывают связь между информационно-психическими и физическими процессами в организме человека, галлюциногены вызывают психические расстройства и др.

Проведенная продуктивная классификация (по отношению к основному объекту воздействия) возможных видов информационного оружия позволяет определить его с учётом иерархии уровней в системе государственного управления как

совокупность специальных средств, технологий, информации и дезинформации, применяемой для деструктивных воздействий на менталитет населения (персонала эргасистем) и информационно-техническую инфраструктуру государства.

Рассмотренные основные виды информационного оружия могут применяться против конкретного общества и нации в целом самостоятельно или в составе так называемого «организационного оружия» [13, 15], направленного на разрушение системообразующих связей, объединяющих индивидуумов и социумы в единую нацию. Разнообразие способов негативного информационного воздействия на личность как на базовый компонент нации свидетельствует о преобладающем влиянии на национальную безопасность именно информационного оружия. В связи с этим обязателен государственно-общественный контроль информационных угроз [16] и, в первую очередь, угроз со стороны СМИ, системы народного образования, учреждений культуры и «интернациональных» организаций.

В целом, традиционно высокая роль информационного оружия, судя по возможностям его негативного воздействия на личность (см. рис.) и на факторы общности (экономические связи, тер-

ритория, язык и менталитет, общепринятые правила-нормы поведения и взаимодействия и др.) в составе «организационного оружия», значительно возрастает в условиях стихийных рыночных отношений, правового беспредела и глобальной информатизации на основе создания и совершенствования новых информационных технологий, единых глобальных телематических сетей (типа Интернет) и «независимых» средств массовой информации (дезинформации).

Кроме того, на основании рассмотренного, а также с учётом качества информации (актуальности и защищённости) [13] и способа использования (информационной технологии) информационного ресурса правовой эргасистемы для переработки информации [2] представляется возможным для систем правового регулирования информационных отношений в инфосфере принять следующее обобщающее определение. Под *ценностью* информации понимается её значимость, определяемая способом динамического отображения множества её качественных свойств и количественных характеристик на множество возможных управляющих правовых предписаний, ведущих к достижению целей правового регулирования [13].

Литература

1. Ловцов Д. А. Системология правового регулирования информационных отношений в инфосфере: архитектура и состояние // Государство и право. 2012. № 8. С. 16–25.
2. Ловцов Д. А. Лингвистическое обеспечение правового регулирования информационных отношений в инфосфере // Информационное право. 2015. № 2. С. 8–13.
3. Ершов В. В., Михалкин Н. В. Судебная власть и ее формы как фактор национальной безопасности // Закон и право. – 2002. – №7. – С. 7–13.
4. Морозова Л. А. Теория государства и права. М.: Эксмо, 2005. 448 с.
5. Теория государства и права / Под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М.: Норма, 2002. 616 с.
6. Ловцов Д. А., Сергеев Н. А. Управление безопасностью эргасистем / Под ред. Д. А. Ловцова. М.: РАУ – Университет, 2001. 224 с.
7. Теории личности в западноевропейской и американской психологии / Редактор-составитель Д. Я. Райгородский. Самара: «Бахрах», 1996.
8. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер Пресс, 1997.
9. Дарел Ш. Психологические типы. Юнговская типологическая модель. СПб.: Б.С.К., 1996.
10. Зеленский В.В. Аналитическая психология: Словарь. СПб.: Б.С.К., 1996.
11. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс, 1992.
12. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
13. Ловцов Д. А. Информационная теория эргасистем: Тезаурус. М.: Наука, 2005. 248 с.
14. Ловцов Д. А. Проблема обеспечения информационной безопасности России // Обозреватель-Observer. 1999. № 2. С. 44–50.
15. Ловцов Д. А. «Организационное оружие» в современном мире // Обозреватель-Observer. 2000. № 6. С. 40–42.
16. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 9 сентября 2000 г. № Пр-1895 // Российская газета. 2000. 28 сент.

ДОГОВОР КАК МЕЖОТРАСЛЕВАЯ КАТЕГОРИЯ

Козлова Е. Б.*

Аннотация: В статье исследуется вопрос использования термина «договор» отличными от гражданского права отраслями права.

Рассматриваются вопросы развития в настоящее время теории административного договора: его понятия и признаков, а также теории процессуального договора. Исследуется понятие международного договора и вопрос отнесения его к категории публично-правовых договоров. Раскрывается правовая природа договоров, используемых в сфере налоговых отношений. Рассматривается использование категории «договор» при регулировании трудовых отношений, в частности, при нормативном закреплении трудового и коллективного договоров.

Делается общий вывод о том, что рассмотренные договорные конструкции не подпадают под действие норм гражданского законодательства, а договор как правовая категория вышла за пределы гражданского права как отрасли права и приобрела межотраслевой характер.

Ключевые слова: договор как межотраслевая категория, гражданско-правовой договор, административный договор, процессуальный договор, международный договор, трудовой договор, публично-правовой договор.

Роль договора не на всех этапах развития данного института признавалась обществом. По словам немецких ученых К. Цвайгерта и Х. Кётца, договор и договорная правоспособность не всегда были неотъемлемым и само собой разумеющимся принципом любого правопорядка, на протяжении многих веков права и обязанности индивида зависели от его социального положения в обществе. Но постепенно с прогрессивным развитием разделения труда во всех обществах наблюдается процесс эволюции природы правоотношений между индивидами, которые определяются уже не их социальным статусом, а на основе заключаемых между ними путем свободного волеизъявления договоров [46, с.321].

Однако значимость договора для развития экономических отношений подчеркивалась всегда. Как писал К. Маркс «общественное отношение, будучи товарным по своей экономической природе, принимает вид юридического волевого отношения, формой которого является договор» [14, с. 81].

Классик российской цивилистики Йоффе О.С. в 1975 г. в свою очередь отмечал, что договор занимает «центральное место среди юридических фактов... гражданского права, а договорные от-

ношения составляют основную по значимости и подавляющую по численности массу обязательственных отношений» [14, с. 81], а великий ученый Красавчиков О.А. позже писал: «учитывая, что экономические отношения проявляются как интересы, можно дать определение (в социологическом аспекте) отдельному условию договора как частному юридическому волевому выражению конкретного интереса сторон к тем или другим компонентам устанавливаемой посредством договора правовой связи» [20, с. 277].

Но именно в периоды экономических преобразований можно отметить возрастающую роль договора как регулятора общественных отношений.

Именно регулятивные свойства договора сделали его востребованной формой активности субъектов общественных отношений. Основное назначение договора сводится к регулированию в рамках закона поведения субъектов путем указания на пределы их возможного и должного поведения, а равно последствия нарушения соответствующих требований.

Но, договор как правовая категория уже давно приобрел не только *гражданско-правовой*, а *межотраслевой* характер. Однако, и в настоящее время

* **Козлова Елена Борисовна**, доктор юридических наук, доцент, директор центра научных исследований, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: kozlova@urexpert.ru

известными учеными высказывается мнение, что «слово «договор» по сути стало обиходным.... сегодняшняя мода на наименование «договорами» различных документов (например, «административный договор», «публично-правовой договор») не должна приводить к забвению необходимости проверки существа соответствующего явления» и что «договоры, не отвечающие требованиям ст. ст. 420-422 ГК РФ, договорами не являются, применять к ним правила о гражданско-правовых договорах нельзя» [45, с. 93]. Как видно, автор полностью исключает употребление термина «договор» за пределами отрасли гражданского права и существование иных, кроме гражданско-правовых, договоров.

Однако теория *административного* договора в настоящее время развивается.

Считается, что наиболее тщательно проблематика административных договоров разработана в германской доктрине и практике. Административные договоры («публично-правовые»), в ФРГ были легализованы Административным судом Пруссии и Федеральным административным судом, несмотря на радикальное расхождение такой договорной практики с традиционной доктриной, а затем прописаны в Законе об административном производстве 1976 г. [29, с. 319-320] Административные договоры в ФРГ разделяют на координационные и субординационные. Первые устанавливают равноправные отношения как «преддоговорно» равноправных субъектов (органов власти между собой, граждан между собой), вторые – закрепляют неравноправные отношения между «преддоговорно» неравноправными субъектами, например, договор о порядке пользования услугами публичного (общественного) учреждения, о выполнении полицейского распоряжения [39, с. 47-48].

Административный договор в Российской Федерации стал приобретать особую актуальность лишь в последние годы, что можно объяснить развернувшимся процессом преобразования отношений собственности, отменой планового распределения, стремлением привести в порядок систему административных предписаний [32, с. 486-487]. Но, и в настоящее время можно утверждать, что административно-правовой договор – это новое и еще недостаточно осмысленное явление, поскольку сама природа государственного управления предполагает императивность односторонних юридически-властных волеизъявлений, а договорные связи исходят из равенства их участников.

Отмечается в специальной литературе, что административные договоры возможны, перспективны, уже используются в управленческой прак-

тике, они – реальность, однако сущность административного договора, его признаки и разновидности до сих пор остаются актуальными научными проблемами [1, с. 340-341].

В.В. Иванов определяет административные договоры как неравноправные, к которым относит:

- любой принудительный договор;
- любой договор присоединения;
- любой свободный и свободносогласованный договор, условия которого предполагает диспаритет прав и обязанностей субъектов, фиксировать зависимость или подчинение одного субъекта другому [13, с. 114].

Действительно, следует согласиться, что в самой практической реализации идеи участия органов власти в договорных конструкциях с участием частных субъектов возникает проблема соотношения понятий «полномочия органа власти» – «полномочия собственника», «полномочие управлять» – «право распоряжаться» [7, с. 44]. Обязательства имущественного характера сочетаются с обязательством по совершению координационных и субординационных действий, вследствие чего регламентация правоотношений осложняется элементами правового регулирования: властные начала трансформируются в методы юридического равенства, а административные формы управления хозяйством заменяются экономическими [47, с. 77].

Более жестко высказывался В.И. Новоселов, утверждавший, что «если административный договор заключается между сторонами, одна из которых располагает властными полномочиями, а другая нет, то в таком договоре нет и не может быть равенства сторон» [25, с. 43].

Ц.А. Ямпольская, одна из первых отечественных исследователей, рассматривавших сущность административного договора, в свою очередь утверждала, что договорная конструкция административных отношений, даже при условии неравенства сторон, является более демократичной, чем конструкция правоотношений, возникающих на базе односторонних властных действий [51, с. 134].

Само определение административного договора уже долгое время является дискуссионным вопросом, хотя бесспорно, что в трудах современных ученых достаточно аргументов, позволяющих признать административный договор самостоятельной административно-правовой формой [23, с. 70]. Так, В.А. Юсупов утверждал, что административный договор – это определенное актами административного права соглашение двух или более субъектов, из которых один или все явля-

ются обязательно органами государственного управления либо их законными представителями, и это соглашение направлено на установление, изменение или прекращение административных прав и обязанностей у органов государственного управления, субъективных имущественных или неимущественных прав у граждан и их социальных формирований [50, с. 73].

А.В. Демин определяет административный договор как управленческое соглашение не менее двух субъектов административного права, заключенное на основе норм административного права в публичных интересах, опосредующее горизонтальные (координационные) управленческие отношения, правовой режим которого содержит административно-правовые элементы, выходящие за рамки частного права [8, с. 29].

А.А. Савостин устанавливает, что административный договор – это основанное на нормах административного права соглашение (взаимное и согласованное проявление воли сторон относительно единой цели) между двумя или более формально равноправными субъектами, имеющее своим предметом совершение управленческих, организационных либо иных действий, в котором хотя бы одна из сторон является органом исполнительной власти либо его законным представителем [33].

А.Н. Колокольцев, в свою очередь, утверждает, что под административными договорами понимают управленческие соглашения между субъектами административного права, одной стороной в которых выступает орган власти, по поводу и в целях реализации публичных полномочий, с элементами регулирования, выходящими за пределы частного права [18, с. 61].

По мнению Б.Б. Хангельдыева, административный договор (организационно-административное соглашение) – волевое координационное соглашение двух или нескольких органов государственного управления о совершении в определенное время в обусловленном месте определенного вида административных действий; юридический факт, устанавливающий, изменяющий или прекращающий административные правоотношения [43, с. 28].

С.В. Шорохов определяет административный договор как юридически дозволенное для реализации управленческих функций соглашение субъектов публичного права об установлении, изменении либо прекращении взаимных прав и обязанностей, которое предполагает наличие у стороны, представляющей публичную власть, определенных публичных прерогатив на стадии их заключения, исполнения и расторжения [49, с. 27].

Наконец, необходимо отметить, что Д.Н. Бахрах определяет административный договор как основанный на административно-правовых нормах и выработанный в результате согласования воли двух (или более) субъектов административного права, одним из которых всегда выступает субъект публичной власти, многосторонний акт, устанавливающий (прекращающий, изменяющий) взаимные права и обязанности его участников и иных лиц [3, с. 344].

Административный договор – основанное на нормах административного права соглашение, понимаемое как взаимное и согласное проявление воли сторон относительно единой цели между двумя или более формально равными субъектами, имеющее своим предметом совершение управленческих либо организационных действий, в котором хотя бы одна из сторон является органом государственного управления либо его законным представителем. Такое определение дают А.П. Коренев и А.А. Абдурахманов [19, с. 85-86].

Как соглашение, основанное на административно-правовых нормах, юридически зафиксированное в виде многостороннего акта, содержащее в своей основе взаимное и согласное проявление воли сторон – формально равных субъектов права, один из которых является субъектом публичной власти, и имеющее своим предметом установление (изменение или прекращение) взаимных прав этих сторон, а также иных лиц в сфере управления, предлагает определять административный договор С.Н. Братановский [4].

С.В. Курчевская определяет административный договор как соглашение двух или более субъектов административного права, как минимум один из которых обладает государственно-властными полномочиями и реализует в договоре управленческие функции, устанавливающее (прекращающее, изменяющее) административные права и обязанности, направленное на удовлетворение общественно значимых интересов и регулируемое административно-правовыми нормами, а также общими положениями о договоре, установленными гражданским законодательством в той части, в которой они не противоречат публично-правовой природе данного соглашения [21, с. 16].

Вопрос о признаках административного договора также дискуссионен в теории административного права.

А.П. Коренев и А.А. Абдурахманов выделяют следующие признаки:

- участие в административном договоре органа государственного управления;

- содержание административного договора имеет организационно-управленческий характер;
- правовой базой административного договора являются нормы административного права;
- наступление юридической ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение административных договоров [19, с. 85-86].

Вопросы административного договора рассматривал и Б.В. Покровский, который определял его как соглашение сторон, направленное на достижение того результата, который предусмотрен правовой нормой, определяющей компетенцию органа управления, и устанавливал следующие его признаки:

- сторонами выступают органы государственного управления;
- предметом договора являются действия, представляющие собой реализацию их планово-организационных функций;
- договор порождает права и обязанности сторон, дополнительные к их компетенции;
- сфера договора – область государственного управления [27, с. 68].

Такие черты административного договора как: взаимное соглашение сторон; формальное равенство сторон; юридический факт, который порождает административные правоотношения; одна из сторон – орган исполнительной власти или его представитель; цель договора – решение управленческих задач выделяет И.А. Остапенко и определяет административный договор как соглашение двух или более субъектов административного права, влекущее установление, изменение или прекращение административных прав и обязанностей [26, с. 13].

Б.В. Россинский к признакам административного договора относит, в частности:

- содержание специальных обязательств (условий), выходящих за рамки обычных гражданско-правовых договорных отношений;
- включает в себя контрольно-надзорные полномочия представителей исполнительных органов, а также экономические санкции в отношении коллективов предприятий, вступающих в договорные отношения [32, с. 490-493];

Особо следует отметить утверждение Б.В. Россинского о том, что на проблемы административного договора следует смотреть не только с точки зрения материальных административно-правовых норм, устанавливающих статутные положения (участники, права, обязанности, ответственность, административно-правовой режим исполнения),

но и с позиций административно-процессуального права, поскольку административно-договорный процесс входит в структуру административного процесса.

Административный договор – это одно из административно-процессуальных производств (так называемый позитивный административный процесс), которое имеет и свою материальную часть, однако не в меньшей степени как в административно-правовой теории, так и в законодательстве следует рассматривать именно его процессуальные начала [32, с. 486-487].

Вопрос цели административного договора решается в научной литературе более-менее единообразно, она определяется исследователями как:

- как реализация некоего общего блага, публичных интересов, достижение общественно значимых результатов [37];
- как достижение общего блага, общественно значимых результатов, осуществление управленческих действий в интересах общества и государства (регулирование управленческих отношений, реализация либо организация осуществления функций публичного управления и, в конечном счете, удовлетворение публичного либо государственного интереса) [23, с. 54];
- как достижение положительного социально значимого результата (исключительно публичная направленность, так как происходит реализация публичной власти государства) [44, с. 51];
- как регулирование управленческих отношений – посредством заключения административного договора стороны договариваются об осуществлении определенных действий в интересах государственного управления [22, с. 111].

Как утверждает в юридической литературе, тот факт, что административный договор является разновидностью *публично-правового* договора, сомнений обычно не вызывает [37]. К публично-правовым договорам можно отнести, в частности, Федеративный договор от 31.03.1992 г. «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации»¹. ФЗ от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов

¹ Доступ из СПС КонсультантПлюс.

государственной власти субъектов Российской Федерации»² в ст. 1 предусматривает возможность заключения иных договоров о разграничении предметов ведения и полномочий, заключенных в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами.

Необходимо отметить, что о наличии публично-правовых договоров говорил еще классик российской цивилистики Г.Ф. Шершеневич, который определял публично-правовой характер договоров, если в соответствующих отношениях «замешаны публичные интересы» [48].

Под вопросом правовая природа договоров, используемых в сфере налоговых отношений [15; 28; 40].

Речь в данном случае идет о: договоре об инвестиционном налоговом кредите (ст. 67 Налогового кодекса РФ³ (далее – НК РФ)); договоре, заключаемом между налогоплательщиками налога на прибыль организаций в целях их добровольного объединения, создания консолидированной группы налогоплательщиков (ст. 25.1 НК РФ); договоре о налоговом залоге (ст. 73 НК РФ), договоре о налоговом поручительстве (ст. 74 НК РФ). Форма договора об инвестиционном налоговом кредите утверждена приказом ФНС России от 29.11.2005 г. № САЭ-3-19/622@⁴, договора поручительства по обеспечению уплаты налогов – Письмом ФНС России от 21.03.2013 г. № АС-4-2/4829⁵, Приказом ФТС от 19.10.2011 г. № 2140 «Об утверждении примерных форм договоров поручительства, заключаемых на основании генеральных договоров поручительства»⁶, утверждена, в частности, примерная форма договора поручительства по обеспечению уплаты таможенных пошлин, налогов таможенным представителем.

Указанные договорные конструкции, используемые в сфере налоговых отношений, являются публично-правовыми договорами, но некоторые авторы относят их также к числу административных договоров [34, с. 109].

С.С. Заикин к числу публично-правовых договоров относит также и соглашения политических партий, заключаемых по вопросам:

- возможности участия в выборах и отправ-

лении властных полномочий и определения порядка такого участия;

- особенностей распределения и осуществления властных полномочий;
- регулирования процедур принятия решений внутри избирательного блока и коалиции;
- определения основ государственной политики в тех или иных сферах (в большей степени это относится к соглашениям о создании правящей или оппозиционной коалиции);
- взаимодействия с коммерческими и некоммерческими организациями в целях продвижения отстаиваемых партиями идей путем проведения совместных мероприятий, а также представления интересов организаций по взаимосогласованным вопросам через членов политических партий в органах государственной власти и местного самоуправления [12].

Разрабатывается и теория *процессуального* договора, под которым Н.Г. Елисеев, в частности, понимает договор, который устанавливает права и обязанности в процессуальных отношениях (процессуальные права и обязанности), определяет поведение субъектов в этих отношениях [10, с. 21].

Ученый приводит и другие определения процессуального договора:

соглашение, предметом которого являются процессуальные действия участников процесса, которое способствует течению процесса и осуществлению судопроизводства и допускается нормами процессуального законодательства;

- договор, основное непосредственное действие которого осуществляется в процессуальной сфере;
- согласованная воля противостоящих лиц о достижении непосредственного правового результата;
- соглашение об осуществлении процессуальных полномочий;
- договор о процессуальных правовых последствиях [10, с. 21].

К числу процессуальных договоров автор относит, в частности: соглашение о подсудности и арбитражное соглашение.

М.А. Рожкова в свою очередь утверждает, что основным критерием, позволяющим разграничить «процессуальные» и «материальные» соглашения, выступает предмет:

- если предметом является поведение сторон в области, регулируемой нормами гражданского права, такое соглашение относится к «материальным соглашениям»;
- если предметом выступают процессуальные

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1999, № 42, ст. 5005.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 03.08.2008. № 31, ст. 3824.

⁴ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 4.

⁵ Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁶ Доступ из СПС КонсультантПлюс.

действия участников процесса, заключение этого соглашения способствует течению процесса и осуществлению судопроизводства и такое соглашение допускается нормами процедурного (процессуального) законодательства, то его следует относить к «процессуальным соглашениям» [30].

Автор относит к процессуальным соглашениям соглашения, которые:

- заключаются в период течения процесса по делу (с момента возбуждения производства по делу до момента окончания рассмотрения дела);
- определены процессуальными кодексами;
- обязывают суд проверять только процессуальную правосубъектность их участников;
- не могут оспариваться как недействительные, расторгаться или изменяться сторонами;
- не могут создавать или уничтожать процессуальных прав и обязанностей участвующих в деле лиц, но способствуют осуществлению задач судопроизводства [30].

К процессуальным соглашениям М.А. Рожкова относит соглашение по фактическим обстоятельствам, соглашение о распределении судебных расходов, и не относит к процессуальным договорам арбитражное соглашение.

Об отсутствии единого доктринального подхода к пониманию процессуального договора свидетельствует даже указание в предисловии к монографии «Договорное право: соглашение о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашение» на то, что авторы придерживаются различных точек зрения в отношении правовой природы анализируемых в ней соглашений: кто-то поддерживает мнение об их договорной природе, кто-то относит их к процессуальным соглашениям либо рассматривает в качестве договоров особого рода («*sui generis*») [31]. А исследователем В.Н. Ануровым рассмотрены материально-правовые элементы третейского соглашения, его процессуально-правовые элементы, а также теория его смешанной природы [2, с. 20-55].

Наконец, рассматривая договор как межотраслевую категорию, нельзя не упомянуть *международные и трудовые договоры*.

Международным договором в силу ст. 1 ФЗ от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ «О международных догово-

рах Российской Федерации»⁷ признается международное соглашение, заключенное российской Федерацией с иностранным государством (либо государствами) или с международной организацией в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования.

При этом определено, что указанные договоры должны заключаться, выполняться и прекращаться в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права, положениями самого договора, Конституцией Российской Федерации.

Венская конвенция о праве международных договоров, заключенная в Вене 23.05.1969 г.⁸, определяет договор как международное соглашение между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования.

Международные договоры, регулирующие сферу предпринимательской деятельности, принято подразделять на договоры: определяющие международно-правовой режим экономических связей; регулирующие движение товаров, услуг и капиталов через государственные границы; устанавливающие валютно-финансовые отношения между странами; соглашения о международном регулировании цен на сырьевые товары и международном регулировании производства [5].

Особую группу международных договоров составляют договоры, представляющие собой основу правового регулирования международных налоговых отношений договоры, в которых урегулированы вопросы налогообложения и сотрудничества органов налогового администрирования. В настоящее время Россией состоит в 80 международных договорах об избежании двойного налогообложения, это двусторонние договоры государств, разграничивающие их налоговые юрисдикции и изменяющие действие норм национального налогового законодательства договаривающихся государств [42]. При этом, согласно ст. 7 НК РФ, если международным договором России, содержащим положения, касающиеся налогообло-

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.

⁸ Ведомости ВС СССР. 10.09.1986. № 37. Ст. 772.

жения, установлены иные правила и нормы, чем те, которые предусмотрены НК РФ и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами о налогах и (или) сборах, то применяются правила и нормы международных договоров.

Роль международных договоров, в частности, в динамике интеграционного движения в ЕАЭС показана в работах Н.Г. Дорониной и Н.Г. Семилютиной, которые, к слову, выделяют отказ от межгосударственных договоров в качестве инструмента внешней политики и обращение к межправительственным соглашениям как к правовым инструментам, носящим более гибкий характер, в качестве основной черты, характеризующей современный миропорядок [9].

Говоря о международных договорах России, необходимо выделить международные договоры, заключенные с целью учреждения международных организаций, поддерживающих межгосударственное сотрудничество в области иностранных инвестиций, в частности, международные организации, объединяющиеся в системе Всемирного банка.

На сегодняшний день Россией подписаны и ратифицированы свыше 60 двусторонних соглашений о поощрении и взаимной защите капиталовложений [6].

Нормы гражданского законодательства даже субсидиарно не применяются к международным договорам, что подтверждено Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»⁹.

В отношении применения договорных конструкций в отношениях, регулируемых нормами трудового права, высказывается даже точка зрения, что современные методы управления человеческим капиталом требуют более эффективного правового регулирования трудовых отношений, что может быть достигнуто только на основе расширения («раскрепощения») возможностей трудового договора [38, с. 10].

Трудовой договор согласно ст. 56 Трудового кодекса РФ¹⁰ (далее – ТК РФ) – есть соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым работодатель обязуется, в том числе: предоставить работнику по обусловленной трудовой функции, обеспечить условия труда,

предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением, своевременно и в полном объеме выплачивать работнику заработную плату.

Само наличие договорного регулирования правоотношений сторон в трудовом праве позволяет устанавливать сторонам трудового договора индивидуальные условия труда, которые должны быть реализованы сторонами трудового договора, а неисполнение индивидуальных соглашений может повлечь юридическую ответственность, ведь когда администрация предприятия, организации устанавливает такие условия труда единолично, без согласования с работником, они не могут иметь правового значения [34, с. 125].

Отличительными признаками отношений сторон трудового договора, в частности, являются:

- подчинение работника трудовому режиму (с учетом того, что применение норм гражданского права недопустимо к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой);
- отсутствие ответственности работника за результат работ, что имеет значение для противопоставления трудового договора гражданско-правовому договору подряда).

Таким образом, к регулированию отношений, вытекающих из трудового договора, нормы гражданского права не применяются даже субсидиарно. Однако следует отметить, что гражданско-правовой подход используется при определении размера материальной ответственности за нарушение норм трудового законодательства согласно ст. 419 ТК РФ.

Сложно решается вопрос правовой природы предусмотренного трудовым законодательством коллективного договора, под которым согласно ст. 40 ТК РФ понимается правовой акт, регулирующий социально-трудовые отношения в организации или у индивидуального предпринимателя и заключаемый работниками и работодателем в лице их представителей.

В коллективный договор согласно ст. 41 ТК РФ могут включаться обязательства работников и работодателя по следующим вопросам: формы, системы и размеры оплаты труда; выплата пособий, компенсаций; механизм регулирования оплаты труда с учетом роста цен, уровня инфляции и т.п.; рабочее время и время отдыха работников; гаран-

⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). ст. 3.

тии и льготы отдельным категориям работников; экологическая безопасность и охрана здоровья работников на производстве и др.

Так, В.А. Сафонов утверждает, что, рассматривая нормы ТК РФ о коллективном договоре в их системном единстве, сложившуюся практику заключения и исполнения коллективных договоров, можно констатировать, что условия коллективных договоров не сводятся к обязательствам сторон, а подразделяются на: а) условия, устанавливающие локальные нормы права; б) условия, налагающие обязательства непосредственно на стороны, заключившие коллективный договор; в) условия-реквизиты, содержащие информацию о сторонах коллективного договора, их представителях, дате и месте заключения договора [35].

Ученые рассматривают коллективный договор как: правовой акт, нормативный правовой акт; локальный нормативный акт; договор смешанной природы [41].

Н.А. Филиппова квалифицирует коллективный договор как нормативный правовой договор [41].

Мощная регулятивная функция договора настолько сближает его с законом и нормативными актами, что в теории договора разрабатывается концепция *договора как нормативного акта*. В частности, В.В. Иванов определяет нормативный договор, нормативный договорный правовой акт

как «совместно совершенные в соответствующей необходимой форме обособленные волеизъявления двух или более управомоченных субъектов правотворчества, направленные на регулирование поведения этих субъектов и (или) иных субъектов, на основе согласия устанавливающие правовые нормы [13, с. 165]. Подход к договору как нормативному акту разделяют А.А. Мясин [24], С.Г. Еремин [11] и другие исследователи.

Ко всем рассмотренным договорным моделям нормы гражданского законодательства не применяются даже субсидиарно, в связи с чем эти договоры нельзя отнести к гражданско-правовым договорам по их правовой природе, но урегулированными нормами других отраслей права [16, с. 29-33; 17, с. 38-44], как, например, брачный контракт, договор водопользования, договор аренды лесного участка и др.

Указанные договоры не обладают признаками гражданско-правового договора в понимании ст. 420 ГК РФ, целью которых является возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Таким образом, договор как правовая категория вышла за пределы гражданского права как отрасли права и приобрела межотраслевой характер.

Литература

1. Административное право России: учебник. М.: ИКД «Зерцало-М», 2013.
2. Ануров В.Н. Третейское соглашение: монография. М.: Проспект, 2009.
3. Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник. М.: Эксмо, 2011.
4. Братановский С.Н. Административное право. Учебник. М.: Директ-Медиа, 2013 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
5. Вайпан В.А. Источники предпринимательского права: теория и практика // Право и экономика. 2015. № 10 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
6. Веселкова Е.Е. Международные договоры Российской Федерации в области иностранных инвестиций // Законодательство и экономика. 2015. № 11 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
7. Грицкова Ю. В. Правовое регулирование предоставления и изъятия земельных участков в целях развития застроенных территорий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
8. Демин А. В. Общие вопросы теории административного договора. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1998.
9. Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г. Информационные технологии и экономические отношения: проблемы международно-договорной унификации права в ЕАЭС // Журнал российского права. 2015. № 11 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
10. Елисеев Н.Г. Процессуальный договор. М.: Статут. 2015.
11. Еремин С.Г. Некоторые теоретические и практические аспекты содержания и функционального значения нормативного правового договора как источника права // Российская юстиция. 2013. № 1 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
12. Заикин С.С. Соглашения политических партий как разновидность публично-правовых договоров // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 2 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
13. Иванов В. В. Общая теория договора. М.: Юрист, 2006.
14. Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. Т. III. Обязательственное право. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004.
15. Казанцев М.Ф. Юридическая природа договоров, используемых в сфере налоговых отношений // Юрист. 2007. № 11 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
16. Козлова Е.Б. Гражданско-правовые договоры по отраслевой принадлежности регулирующих их норм // Вестник Российской правовой академии. 2011. №

- 1.
17. Козлова Е.Б. Система договоров, направленных на создание объектов недвижимости. М.: Контракт, 2013.
18. Колокольцев А. Н. Административный договор как правовая форма управления // Административное и муниципальное право. 2008. № 5.
19. Коренев А. П., Абдурахманов А. А. Административные договоры: понятие и виды // Журнал российского права. 1998. № 7.
20. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2005.
21. Курчевская С.В. Административный договор: формирование современной теории и основные проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
22. Лукьяненко Г. В. Административно-правовая природа договора о развитии застроенной территории // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 2.
23. Мелехова А. Ю. Виды административных договоров // Административное право и процесс. 2012. № 1.
24. Мясин А.А. Нормативный договор как источник права: автореф. дисс. канд. юрид. наук.: Саратов, 2003 // Библиотека диссертаций, URL: <http://www.dslib.net/teoria-prava/normativnyj-dogovor-kak-istochnik-prava.html> (доступ 04.01.2016).
25. Новоселов В. И. К вопросу об административных договорах // Правоведение. 1969. № 3.
26. Остапенко И. А. О понятии «административный договор» // Мы и право. 2011. № 3(12).
27. Покровский Б. В. Договор в народном хозяйстве. Алма-Ата : Наука, 1987.
28. Поротиков Д.А. Правовая природа налоговых соглашений // Российский юридический журнал. 2004. № 4 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
29. Рихтер И., Шупперт Г. Ф. Судебная практика по административному праву. М., 2000.
30. Рожкова М.А. К вопросу о правовой природе арбитражных соглашений // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
31. Рожкова М.А., Елисеев Н.Г., Скворцов О.Ю. Договорное право: соглашение о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашение. М.: Статут, 2008 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
32. Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: учебник. 4-е изд., пересмотр.и доп. М. : Норма, 2009.
33. Савостин А. А. Административные договоры и их реализация в сфере публичного управления // Административное и муниципальное право. 2008. № 1 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
34. Сафиуллина Д.Р. Межотраслевые связи договорного права: дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2015.
35. Сафонов В.А. Коллективные договоры как правовые акты социального партнерства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
36. Синдеева И. Ю. Соотношение частного и публичного в административном договоре // Административное и муниципальное право. 2009. № 5 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
37. Синдеева И.Ю. Передача государственного и муниципального имущества в хозяйственное ведение и оперативное управление как особый вид административного договора // Административное и муниципальное право. 2013. № 2 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
38. Сойфер В.Г. К вопросу о месте трудового договора в гражданском обществе // Законодательство и экономика. 2012. № 6.
39. Старилов Ю. Н. Административный договор: опыт законодательного регулирования в Германии // Государство и право. 1996. № 12.
40. Тедеев А.А., Парыгина В.А. Налоговый кредит и налоговый инвестиционный кредит в Российской Федерации // Адвокат. 2007. № 2 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
41. Филиппова Н.А. Правовая природа коллективного договора // Современное право. 2015. № 2 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
42. Хаванова И.А. Международные договоры России об избежании двойного налогообложения и особенности их толкования // Финансовое право. 2015. № 10 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
43. Хангельдыев Б. Б. Административно-правовые соглашения в механизме сочетания отраслевого и территориального управления // Труды Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства. 1988. Вып. 42.
44. Ходаковский К. В. Цель административного договора // Административное право и процесс. 2010. № 4.
45. Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М.: Статут, 2015.
46. Цвайгерт К., Кётц Х. Сравнительное частное право: в 2-х тт. Том I. Основы. М.: Междунар. Отношения, 2010.
47. Шелестов В. С. Повышение качества продукции промышленных предприятий // Сов. гос-во и право. 1972. № 5.
48. Шершеневич Г.Ф. Общая теория договора. // Файловый архив для студентов, URL: <http://www.studfiles.ru/preview/2686941/page:3/> (доступ 03.01.2016).
49. Шорохов С. В. Концессионное соглашение как форма публичного управления: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
50. Юсупов В. А. Правоприменительная деятельность органов государственного управления. М., 1973.
51. Ямпольская Ц. А. О теории административного договора // Советское государство и право. 1966. № 10.

СОДЕРЖАНИЕ ПРОГРАММЫ И МЕТОДИК ПРОВЕДЕНИЯ АТТЕСТАЦИОННЫХ ИСПЫТАНИЙ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ НА СООТВЕТСТВИЕ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ ИНФОРМАЦИИ

Макеев С. А.*

Аннотация. Статья посвящена вопросам оценки соответствия информационных систем требованиям по безопасности информации. Приведен краткий обзор законодательной и нормативно-правовой базы аттестации объектов информатизации по требованиям безопасности информации. Проведен анализ особенностей разработки программы и методик проведения аттестационных испытаний информационных систем на соответствие требованиям безопасности информации. Предложен подход к формированию методик испытаний, учитывающий требования современного законодательства в области защиты информации.

Ключевые слова: оценка эффективности, система защиты информации, контроль защищенности, меры защиты информации, угрозы.

Процедура оценки эффективности принятых организационно-технических мер защиты информации в информационных системах занимает особое место в жизненном цикле их создания. На практике наиболее распространенной формой такой оценки информационных систем является аттестация на соответствие требованиям безопасности информации, являющейся составной частью Системы сертификации средств защиты информации по требованиям безопасности информации Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (далее – ФСТЭК России) [1].

В настоящее время получило определенное развитие законодательство в области сертификации средств защиты информации, в том числе применяемых для защиты информации, циркулирующей в информационных системах различных типов, которое привело к утверждению специальных нормативных правовых актов и методических документов ФСТЭК России. Характер внесенных изменений позволяет утверждать о необходимости как совершенствования текущего нормативного и методического обеспечения в области проведения аттестационных испытаний, так и формирования новых механизмов, основанных на риск-ориентированном подходе [2].

Цель настоящей статьи заключается в определении содержания типовой программы и методик проведения аттестационных испытаний информационных систем на соответствие требованиям безопасности информации, применение которых позволит качественно повысить эффективность проведения оценки соответствия информационных систем.

Выделим положения национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 51583-2014 «Защита информации. Порядок создания автоматизированных систем в защищенном исполнении. Общие положения», определяющие следующие стадии создания системы защиты информации (далее – СЗИ) информационной системы (подпункт 6.1):

- формирование требований к СЗИ информационной системы;
- разработка (проектирование) СЗИ информационной системы;
- внедрение СЗИ информационной системы;
- аттестация информационной системы на соответствие требованиям безопасности информации и ввод ее в действие;
- сопровождение СЗИ в ходе эксплуатации информационной системы.

Подпункт 1.4 руководящего документа «Поло-

* **Макеев Сергей Александрович**, руководитель группы Департамента аттестации ЗАО «НПО «Эшелон», Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: s.makeev@npo-echelon.ru

жение по аттестации объектов информатизации по требованиям безопасности информации» (Гостехкомиссия России, 1994 г.) определяет аттестацию объектов информатизации как «комплекс организационно-технических мероприятий, в результате которых посредством специального документа – «Аттестата соответствия» подтверждается, что объект соответствует требованиям стандартов или иных нормативно-технических документов по безопасности информации, утвержденных Гостехкомиссией России».

Целью аттестации объекта информатизации является подтверждение соответствия его системы защиты информации в реальных условиях эксплуатации требованиям безопасности информации, установленным федеральными законами Российской Федерации, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, а также уполномоченных федеральных органов исполнительной власти (ФСТЭК России, ФСБ России и др.).

В общем случае в процессе аттестационных испытаний производится комплексная проверка объекта испытаний в реальных условиях эксплуатации, в процессе которой подтверждается его соответствие требованиям по защите информации:

- от несанкционированного доступа к ней, в том числе от деструктивного воздействия вредоносных программ;
- от утечки за счет побочных электромагнитных излучений и наводок, в том числе при специальных воздействиях на объект испытаний;
- от утечки или воздействия с помощью специальных устройств, возможно внедренных в объект информатизации.

Проанализировав требования нормативных документов ФСТЭК России по защите информации, находящейся в информационных системах различных типов, отметим следующие положения в части требования по обязательному проведению аттестационных испытаний:

- приказ ФСТЭК России от 31 августа 2010 г. № 489 «Об утверждении требований о защите информации, содержащейся в информационных системах общего пользования» – требование по обязательной аттестации информационных систем общего пользования отсутствует;
- приказ ФСТЭК России от 11 февраля 2013 г. № 17 «Об утверждении Требований о защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных

информационных системах» – установлена обязательность аттестации государственной информационной системы до ввода ее в действие (подпункт 17.5);

- приказ ФСТЭК России от 18 февраля 2013 г. № 21 «Об утверждении Составы и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» – установлена обязательность проведения оператором оценки эффективности реализованных в рамках системы защиты персональных данных мер по обеспечению безопасности персональных данных, однако форма такой оценки явно не указана (пункт б).
- Как правило, процедура проведения аттестации включает в себя следующие этапы:
- подача и рассмотрение заявки на аттестацию;
- предварительное ознакомление с аттестуемым объектом;
- испытание несертифицированных средств защиты информации, используемых на аттестуемом объекте (при необходимости);
- разработка программы и методик аттестационных испытаний;
- заключение договоров на проведение аттестации;
- проведение аттестационных испытаний объекта информатизации;
- оформление, регистрация и выдача «Аттестата соответствия»;
- осуществление контроля за проведением аттестации и эксплуатацией аттестованных объектов информатизации;
- рассмотрение апелляций.

Особо выделим этап разработки и согласования программы и методик проведения аттестационных испытаний (далее – ПМИ). ПМИ разрабатывается организацией-лицензиатом ФСТЭК России, оказывающей услуги по аттестации, и до начала проведения работ подлежит согласованию с организацией-заявителем данных работ. При необходимости отдельные положения ПМИ могут корректироваться по согласованию со всеми участниками работ.

Общие требования к структуре и содержанию ПМИ устанавливает национальный стандарт Российской Федерации ограниченного распространения ГОСТ РО 0043-004-2013. Структура типовой ПМИ раскладывается на две взаимосвязанные составляющие:

- программа испытаний, представляющая собой план действий по проведению аттестации («дорожная карта», roadmap), полное выполнение которых позволяет сделать вывод о соответствии проверяемого объекта заявленным требованиям.
- методики испытаний, детально описывающие порядок выполнения каждого пункта Программы испытаний с указанием критериев оценки выполнения требований и итогового результата проверок.

Кроме того, отдельным разделом определяют общие положения об аттестуемом объекте, раскрывающие информацию о наименовании объекта, его расположении, классификации, составе аттестационной комиссии, целях, задачах, сроках проведения аттестации, методах контроля, в том числе сведений о применяемых средствах контроля защищенности информации.

Применительно к аттестации информационных систем программа испытаний может состоять из следующих мероприятий:

- проверка структуры, состава и условий эксплуатации информационной системы;
- проверка состояния организации работ и выполнения требований по защите информации;
- проверка выполнения требований для обеспечения установленного уровня защищенности персональных данных при их обработке в информационной системе (для информационных систем, содержащих персональные данные);
- проверка выполнения требований к составу мер защиты информации при ее обработке в информационной системе в соответствии с выбранным классом защищенности и/или уровнем защищенности обрабатываемых персональных данных.

В случае если в модели угроз безопасности информации, обрабатываемой в информационной системе, угрозы, связанные с утечкой информации по техническим каналам, определены как актуальные, также проводится проверка выполнения требований по защите информации от данного класса угроз.

Стоит заметить, что грамотное составление ПМИ позволяет решить некоторые проблемные вопросы, возникающие при проведении аттестации информационных систем, а именно [3-5]:

- процедура проведения дополнительной проверки эффективности СЗИ информационной системы в случае изменения условий

ее эксплуатации [6];

- процедура аттестации информационных систем, построенных на технологии виртуализации и использующих технологии «облачных вычислений» [7-8];
- организация периодического контроля соответствия СЗИ информационной системы требованиям безопасности информации [9];
- процедура распространения действия аттестата соответствия на типовые сегменты информационной системы [4].

Для распределенных информационных систем с множеством сегментов требуется установить критерии соответствия каждого сегмента требованиям, например, путем проведения выборочного контроля сегментов информационной системы [10].

Отметим, что наибольшую сложность представляет собой разработка методик аттестационных испытаний информационных систем. Необходимо отметить, что национальный стандарт Российской Федерации ограниченного распространения ГОСТ Р 0043-004-2013 не учитывает особенности проверки информационных систем на выполнение требований приказа ФСТЭК России от 11 февраля 2013 г. № 17 и приказа ФСТЭК России от 18 февраля 2013 г. № 21 в части требований к внедренному набору мер защиты информации.

Возросший объем проверок по сравнению с традиционными автоматизированным системам, в которых требования по защите информации установлены в руководящем документе ФСТЭК России «Автоматизированные системы. Защита от несанкционированного доступа к информации. Классификация автоматизированных систем и требования по защите информации» (например, только базовый набор мер защиты информации для государственной информационной системы третьего класса защищенности КЗ уже включает в себя 46 мер), а также вариант возможного внедрения компенсирующих мер защиты в составе СЗИ информационной системы со сложной структурой, делает решение задачи по определению соответствия выполнения той или иной меры не тривиальным.

В таком случае чрезвычайно важно определить формальные критерии и показатели выполнения каждой меры, а также алгоритм действий проверяющего [11-13]. В качестве источника формирования критериев оценки следует использовать методический документ ФСТЭК России «Меры защиты информации в государственных информационных системах». Например, такими крите-

риями могут быть как полнота и достаточность выполнения конкретной меры защиты информации, полученные экспертно-документальным методом, так и корректность реализации меры защиты в составе СЗИ информационной системы, проверенная инструментальным методом с помощью сертифицированных средств анализа защищенности (группа мер АНЗ) [14].

Эксперт из состава аттестационной комиссии, руководствуясь установленными в ПМИ критериями, принимает решение о соответствии выполнения мера защиты информации из набора мер ([соответствует; частично соответствует; не соответствует]) установленным требованиям и подводит общий результат выполнения ([успешно; неуспешно]).

Для составления протокола аттестационных испытаний результаты комплексных испытаний вносятся в опросный лист соответствующей формы (табл. 1), который в дальнейшем может подлежать автоматизированной обработке с помощью специализированного программного обеспечения.

В случае применения в информационной системе сертифицированных средств защиты информации целесообразно создать справочную базу данных, в которой будет приведена информация о реализованных в средствах защиты информации мерах защиты информации. Тем самым данная база данных позволит облегчить выбор средств защиты информации для реализации набора мер защиты информации, адаптированного под конкретную информационную систему [12, 13].

Таблица 1
Предлагаемая форма представления результатов испытаний

№ п/п	Наименование меры защиты информации	Требования реализации меры	Реализация меры в проверяемой системе	Результат проверки
...	...	...	...	...
4.1	ИАФ.4 Управление средствами аутентификации, в том числе хранение, выдача, инициализация, блокирование средств аутентификации и принятие мер в случае утраты и (или) компрометации средств аутентификации	Определение должностного лица (администратора) оператора, ответственного за хранение, выдачу, инициализацию, блокирование средств аутентификации и принятие мер в случае утраты и (или) компрометации средств аутентификации [15]	Реализовано с помощью мероприятий организационного характера: в наличии имеются утвержденные приказы и инструкции	Соответствует требованиям
...		...	...	...
...		Установление характеристик пароля: длина пароля не менее шести символов, алфавит пароля не менее 30 символов, максимальное количество неуспешных попыток аутентификации (ввода неправильного пароля) до блокировки от 3 до 10 попыток	Реализовано с помощью средства защиты информации от несанкционированного доступа ... Настройки произведены корректно. Попытки установить некорректный пароль не дали положительного результата. Превышение количества неуспешных попыток привело к блокировке учетной записи	Соответствует требованиям
...	...	...	...	...
	Итоговая оценка			Успешно

В перспективе положения ПМИ должны быть направлены на определение не только критериев проверки способности СЗИ противостоять угрозам безопасности информации на момент проведения аттестации [16, 17], в том числе связанных с наличием уязвимостей [18], но и на определение критериев оценки возможностей СЗИ по поддержанию выбранного уровня защищенности информационной системы в ходе ее эксплуатации [13, 19].

Литература

1. Марков А., Цирлов В. Сертификация программ: мифы и реальность // Открытые системы. СУБД. 2011. № 6. С. 26–29.
2. Марков А.С. Оценка соответствия средств защиты информации требованиям по безопасности информации: смена парадигмы. В сборнике: Информационные технологии и системы. Труды Четвертой Международной научной конференции. Ответственные редакторы: Ю.С. Попков, А.В. Мельников. 2015. С. 134–136.
3. Кузнецов А.В., Иржавский А.А., Захарченко А.Н. Методика оценки степени защищенности информации в автоматизированных информационных системах // Научные технологии. 2011. Т. 12. № 8. С. 43–47.
4. Макеев С.А. Проблемные вопросы аттестации информационных систем на соответствие требованиям безопасности информации // Защита информации. Инсайд. 2015. № 4 (64). С. 14–18.
5. Миронов А.С. Аспекты и проблемы при подготовке и проведении аттестации объекта информатизации предприятия на соответствие требованиям информационной безопасности // Безопасность регионов – основа устойчивого развития. 2012. Т. 1-2. С. 104–106.
6. Веряев А.С., Фадин А.А. Формализация требований безопасности информации к средствам анализа защищенности // Вопросы кибербезопасности. 2015. № 4 (12). С. 23–27.
7. Зубарев И.В., Радин П.К. Основные угрозы безопасности информации в виртуальных средах и облачных платформах // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 2 (3). С. 40–45.
8. Юдичев Р.М., Горюнов М.Н. Оценка и ранжирование функциональных возможностей средств защиты среды виртуализации // Автоматизация и управление в технических системах. 2015. № 1 (13). С. 92–100.
9. Барабанов А.В., Марков А.С., Цирлов В.Л., Корсунский А.С. Инспекционный контроль за стабильностью характеристик сертифицированных средств защиты информации // Автоматизация процессов управления. 2012. № 1. С. 10–14.
10. Язов Ю.К., Машин О.А., Платонов Б.Ф. К вопросу об оценке эффективности выборочного контроля защищенности информации в информационных системах от несанкционированного доступа // Вопросы кибербезопасности. 2015. № 3 (11). С. 15–22.
11. Барабанов В., Марков А.С., Цирлов В.Л. Методический аппарат оценки соответствия автоматизированных систем требованиям безопасности информации // Спецтехника и связь. 2011. № 3. С. 48–52.
12. Казарин О.В., Кондаков С.Е., Троицкий И.И. Подходы к количественной оценке защищенности ресурсов автоматизированных систем // Вопросы кибербезопасности. 2015. № 2 (10). С. 31–35.
13. Чобанян В.А., Шахалов И.Ю. Анализ и синтез требований к системам безопасности объектов критической информационной инфраструктуры // Вопросы кибербезопасности. 2013. № 1 (1). С. 17–27.
14. Барабанов А. Инструментальные средства проведения испытаний систем по требованиям безопасности информации // Защита информации. Инсайд. 2011. № 1 (37). С. 49–51.
15. Федичев А.В., Артамошин С.А. Систематизация видов отношений и ответственности при получении доступа к информации // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 2 (3). С. 51–59.
16. Хорев А.А. Угрозы безопасности информации // Специальная техника. 2010. № 1. С. 50–63.
17. Шеремет И.А. Угрозы техносфере России и противодействие им в современных условиях // Вестник академии военных наук. 2014. № 1 (46). С. 27–34.
18. Марков А.С., Фадин А.А. Систематика уязвимостей и дефектов безопасности программных ресурсов // Защита информации. Инсайд. 2013. № 3 (51). С. 56–61.
19. Нестеровский И.П., Язов Ю.К. Возможный подход к оценке ущерба от реализации угроз безопасности информации, обрабатываемой в государственных информационных системах // Вопросы кибербезопасности. 2015. № 2 (10). С. 20–25.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Алиев С. Б.*

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам правового регулирования действующих систем пенсионного обеспечения трудящихся в государствах-членах Евразийского экономического союза. Рассматриваются проблемные вопросы, возникающие с переводом и сохранением пенсионных прав при осуществлении трудовой деятельности и переезде граждан государств-членов Евразийского экономического союза из одной страны в другую. Обосновывается необходимость разработки международного Договора, регулирующего вопросы пенсионного обеспечения трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: государство, договор, Евразийский экономический союз, интеграция, пенсионная система, правовая база, развитие, регулирование, рынок труда, трудовая деятельность, экономика.

В настоящее время одним из основных направлений развития интеграции является устранение барьеров на пути передвижения рабочей силы. Отсутствие или недостаточное правовое регулирование вопросов пенсионного обеспечения при осуществлении трудовой деятельности в других государствах-членах является сдерживающим фактором при формировании общего рынка труда. В этой связи вопрос пенсионного обеспечения трудящихся на территории государств-членов является крайне актуальным.

На сегодняшний день в государствах-членах действуют разные пенсионные системы. Основное отличие заключается в разных подходах финансирования пенсионной системы и распределения пенсионных средств. Кроме того, системы пенсионного обеспечения отличаются структурно: по пенсионному возрасту, размерам, источникам пенсионных отчислений и другим параметрам.

Проблемными являются вопросы, возникающие с переводом и сохранением пенсионных прав при осуществлении трудовой деятельности и переезде граждан государств-членов из одной страны в другую.

В Республике Армения¹ [1] пенсионная система включает в себя государственное пенсионное

обеспечение (по солидарному принципу), обязательную накопительную пенсионную составляющую, добровольную накопительную пенсионную составляющую.

Государственное пенсионное обеспечение (государственная пенсионная система) обеспечивает граждан государственной пенсией из средств государственного бюджета в случаях и порядке, установленных законом [1].

Пенсионные права на первом уровне формируются: по достижении 63 лет, если у лица имеется не менее 10 календарных лет трудового стажа, если

а) периоды до 1-го января 2013 года лицо подлежало обязательному пенсионному социальному страхованию и получало заработную плату или им были внесены платежи обязательного социального обеспечения (до 1 января 2008 года – платежи обязательного социального страхования).

б) Периоды после 1-го января 2013 года, лицо уплачивало единый подоходный налог.

При наличии необходимого для назначения пенсии трудового стажа (10 лет), в трудовом стаже учитываются также периоды иной деятельности.

Размер трудовой пенсии – это сумма размера основной пенсии и трудовой части пенсии. Трудовая часть пенсии исчисляется исходя из годов трудового стажа, стоимости одного года трудового стажа и личного коэффициента пенсионера.

¹ По материалам Министерства труда и социальных вопросов Республики Армения.

* **Алиев Самат Бикитаевич**, доктор технических наук, профессор, академик Российской Академии Естественных Наук (РАЕН), заместитель директора Департамента развития предпринимательской деятельности Евразийской экономической комиссии, Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: aliev@eecommission.org

Размер основной пенсии и стоимость одного года трудового стажа устанавливаются Правительством Республики Армения.

Пенсии выплачиваются (расходы на выплату пенсий производятся) из средств государственного бюджета.

В обязательной накопительной составляющей в обязательном порядке участвуют (социальные взносы уплачивают):

- 1) наемные работники, нотариусы, индивидуальные предприниматели, родившиеся 1-го января 1974 года и позднее;
- 2) родившиеся до 1974 года наемные работники, нотариусы, индивидуальные предприниматели, если в добровольно присоединились к обязательной накопительной составляющей;
- 3) самозанятые лица – кто независимо от возраста представили заявление о выборе пенсионного фонда в установленном настоящим Законом порядке либо когда-нибудь уплатили социальный взнос.

Объектами исчисления социальных взносов являются:

- 1) заработная плата;
- 2) предпринимательский доход;
- 3) доходы, полученные в качестве самозанятого лица;

Законом определен максимальный месячный (годовой) порог объекта исчисления социального взноса: для месячного (годового) валового дохода – 15-кратный (180-кратный) размер минимальной месячной заработной платы. Эти максимальные пороги объекта исчисления социального взноса применяются с 1 июля 2020 года. До 1 июля 2020 года:

- 1) максимальный месячный порог объекта исчисления социального взноса устанавливается в 500 000 драмов;
- 2) максимальный годовой порог объекта исчисления социального взноса устанавливается в 6 000 000 драмов.

Работодатели в качестве налогового агента исчисляют и перечисляют социальный взнос участника в государственный бюджет. На основе персонифицированную учета из государственного бюджета накопительные отчисления (до 2020 года- в 2-х кратном размере суммы социального взноса для лиц родившиеся 1-го января 1974 года и позднее, а также для лиц родившееся после 1 января 1964 года, представляющие заявление о выборе пенсионного фонда до 1 июля 2017 года) в установленном законом порядке и размере через держателя реестра участников министерство

финансов отчисляет на счет держателя реестра участников. Держатель реестра участников:

а) перечисляет на открытый на имя участника пенсионный счет паи выбранного пенсионного фонда в количестве, эквивалентном накопительному отчислению, принимая за основу цену размещения пая данного фонда.

б) перечисляет сумму, эквивалентную цене размещения паев, перечисленных на пенсионные счета, на указанный депозитарием соответствующего пенсионного фонда счет.

Обязательными накопительными пенсионными фондами являются:

- 1) **сбалансированный фонд**, согласно правилам которого вес долевых ценных бумаг и приобретенных с целью их хеджирования производных инструментов в активах фонда не может превышать 50 процентов;
- 2) **консервативный фонд**, согласно правилам которого вес долевых ценных бумаг и приобретенных с целью их хеджирования производных инструментов в активах фонда не может превышать 25 процентов;
- 3) **стабильный доходный фонд**, согласно правилам которого активы не могут быть инвестированы в долевые ценные бумаги и основанные на них производные инструменты.

Размер накопительных пенсий определяется на основании стоимости имеющихся на пенсионном счете участника паев пенсионного фонда и периода получения накопительных пенсий.

В зависимости от суммарной расчетной стоимости имеющихся на пенсионном счете участника паев обязательного пенсионного фонда (фондов) **участник может получать свою обязательную накопительную пенсию в следующем виде:**

- 1) если месячная сумма в случае равномерного распределения средств участника на ежемесячные платежи меньше 75 процентов или равна основной пенсии, участник вправе получить накопительную пенсию **в виде программных выплат либо единовременной выплаты;**
- 2) если месячная сумма в случае равномерного распределения средств участника на ежемесячные платежи больше 75 процентов основной пенсии, но меньше пятикратного размера этой пенсии или равна пятикратному размеру этой пенсии, то **участник обязан заключить договор аннуитета** в размере суммы, полученной в результате погашения своих паев обязательного пенсионного фонда;
- 3) если месячная сумма в случае равномерного распределения средств участника на ежемесячные

ные платежи превышает пятикратный размер основной пенсии, то участник обязан за счет средств, полученных в результате погашения части своих паев обязательного пенсионного фонда, **заключить договор аннуитета** в размере суммы, которая при равномерном распределении на ежемесячные платежи составит пятикратный размер основной пенсии, **а остальную часть участник вправе получить в виде аннуитета или программных выплат, либо единовременной выплаты.**

Паи пенсионных фондов и остаточная сумма аннуитета могут передаваться в порядке наследования только физическим лицам. Наследоваться могут как паи пенсионных фондов, имеющиеся на пенсионном счете умершего участника до получения накопительной пенсии, так и подлежащие наследованию паи и аннуитет пенсионера, умершего в период получения накопительной пенсии.

Лицо имеет право на период между вступлением 1 июля 2014 года и до 1 июля 2017 года отказаться от обязанности по уплате социального взноса по представлению соответствующего заявления в налоговый орган до 25 декабря 2014 года. Заявления, представленные после 25 декабря 2014 года, более не действительны.

От уплаты социальных взносов не могут отказаться:

- 1) рожденные после 1 января 1974 года общественные служащие, наемные работники государственных управленческих учреждений и общинных управленческих учреждений, их структурных и обособленных подразделений, Центрального банка, государственных некоммерческих и общинных некоммерческих организаций;
- 2) родившееся после 1 января 1974 года лицо, получившее статус наемного работника после 1 июля 2014 года, назначенное на должность нотариуса, ставшее индивидуальным предпринимателем, которое по состоянию на 1 июля 2014 года не являлось наемным работником, нотариусом или индивидуальным предпринимателем.

Таким образом, в полном объеме обязательная накопительная пенсионная составляющая вступает силу начиная с 1 июля 2017 года.

Добровольные пенсионные схемы бывают следующих видов:

- 1) установленные пенсии;
- 2) накопительные пенсионные вклады;
- 3) установленные пенсионные взносы.

В Республике Беларусь начисляются следующие виды пенсий: а) трудовые пенсии: по возра-

сту; по инвалидности; по случаю потери кормильца; за выслугу лет; за особые заслуги перед республикой; б) социальные пенсии [2].

Право на пенсию по возрасту в Республике Беларусь имеют: мужчины – по достижении 60 лет и при стаже работы не менее 25 лет; женщины – по достижении 55 лет и при стаже работы не менее 20 лет. С 1 января 2015 года право на трудовую пенсию по возрасту предоставляется при наличии не менее 15 лет стажа работы с уплатой обязательных страховых взносов в бюджет государственного внебюджетного Фонда социальной защиты населения Республики Беларусь [3].

Социальные пенсии назначаются гражданам, не получающим трудовую пенсию и (или) пенсию из других государств в соответствии с международными договорами Республики Беларусь в области пенсионного обеспечения, достигшим возраста: мужчины – 65 лет, женщины – 60 лет [4].

Пенсии по возрасту назначаются в размере 55 процентов среднемесячного заработка, но не ниже минимального размера пенсии. За каждый полный год стажа работы сверх 25 лет мужчинам и 20 лет женщинам, пенсия, в том числе минимальная, увеличивается на один процент заработка, но не менее чем на один процент минимального размера пенсии. Увеличение производится в пределах 20 процентов заработка (минимального размера пенсии).

Минимальный размер пенсии по возрасту устанавливается в размере 25 процентов наибольшей величины бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения, утвержденного Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь за два последних квартала.

В стаж работы засчитываются периоды работы, предпринимательской, творческой и иной деятельности при условии, что в течение этих периодов производилась уплата обязательных страховых взносов в бюджет фонда согласно законодательству о государственном социальном страховании.

В стаж работы засчитываются, в том числе, периоды: военной службы в вооруженных силах и правоохранительных органах Республики Беларусь; получения пособия по временной нетрудоспособности лицами, подлежащими государственному социальному страхованию; отпуска по уходу за ребенком и ухода за детьми до достижения ими возраста 3 лет, но не более 9 лет в общей сложности; ухода за инвалидом I группы или ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет, а также за престарелым, достигшим 80-летнего

возраста, нуждающимся в постоянном уходе, осуществляемого трудоспособным лицом; получения в дневной форме образования профессионально-технического, среднего специального, высшего и послевузовского образования, дополнительного образования взрослых, повышения квалификации руководящих работников и специалистов; получения пособия по безработице, но не более шести месяцев в общей сложности.

В заработок для исчисления пенсии включаются выплаты всех видов, начисленные в пользу работающего гражданина по всем основаниям независимо от источников финансирования, включая вознаграждения по гражданско-правовым договорам, выплаты застрахованному лицу, подлежащему обязательному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, доходы физического лица, самостоятельно уплачивающего обязательные страховые взносы в бюджет фонда, на которые согласно законодательству о государственном социальном страховании начислялись и из которых уплачивались обязательные страховые взносы в указанный бюджет.

Обращение за назначением пенсии может осуществляться в любое время после возникновения права на пенсию без ограничения каким-либо сроком.

Пенсионное обеспечение производится районными (городскими) управлениями (отделами) по труду, занятости и социальной защите.

Пенсионное обеспечение в **Республике Казахстан**² осуществляется согласно национальному законодательству, в соответствии с которым, иностранцы и лица без гражданства, постоянно проживающие на территории Республики Казахстан, пользуются правом на пенсионное обеспечение наравне с гражданами Республики Казахстан, если иное не предусмотрено законами и международными договорами [5].

С 1 января 1998 года в республике начался переход к накопительной пенсионной системе с:

- 1) обязательным участием в ней всего работающего населения;
- 2) сохранением права на получение солидарных пенсий из республиканского бюджета при наличии трудового стажа не менее 6 месяцев на 01.01.1998 года (начало реформы).

Таким образом, солидарная пенсионная система «сворачивается», а накопительная система раз-

вивается, набирая обороты.

Государственную базовую пенсионную выплату (52% прожиточного минимума) получают лица пенсионного возраста при условии постоянного проживания в стране.

Накопительная пенсионная система Республики Казахстан характеризуется такими особенностями, как:

- внесение агентом по уплате обязательных пенсионных взносов в размере 10 % от ежемесячного дохода работника (не более 75-кратного размера минимальной заработной платы) на индивидуальный пенсионный счет работника, открытый в Едином накопительном пенсионном фонде;
- обеспечение права собственности вкладчика на пенсионные накопления, включая право их наследования;
- рост пенсионных накоплений за счет их инвестирования;
- прямая зависимость пенсионных выплат из Единого накопительного пенсионного фонда от объема пенсионных накоплений на индивидуальных пенсионных счетах вкладчиков.

Вместе с тем, законодательно предусмотрено право на перечисление вкладчиками добровольных пенсионных взносов по своей инициативе в пользу получателя пенсионных накоплений.

Пенсионные выплаты из Единого накопительного пенсионного фонда осуществляется по графику (ежемесячно), либо через компании по страхованию жизни в соответствии с договором пенсионного аннуитета.

Право на пенсионные выплаты из Единого накопительного пенсионного фонда за счет обязательных пенсионных взносов имеют лица:

- при достижении пенсионного возраста (мужчины 63 года, женщины 58 лет);
- мужчины (при достижении пятидесятипятилетнего возраста), женщины (при достижении пятидесятилетнего возраста) и достаточности пенсионных накоплений на заключение договора пенсионного аннуитета со страховой организацией для обеспечения выплаты не ниже размера минимальной пенсии;
- инвалиды первой и второй групп, если инвалидность установлена бессрочно;
- выезжающие или выехавшие на постоянное место жительства за пределы Республики Казахстан иностранцы и лица без гражданства, представившие документы, определенные законодательством Республики Казахстан, подтверждающие намерение или факт выезда.

² По материалам Министерства здравоохранения и социального развития Республики Казахстан.

Пенсионные накопления, сформированные за счет обязательных пенсионных взносов, обязательных профессиональных пенсионных взносов наследуются, и на них распространяется гарантия по сохранности обязательных пенсионных взносов, обязательных профессиональных пенсионных взносов.

С 1 января 2014 года дополнительно к обязательным пенсионным взносам работников (в размере 10% от заработной платы) работодателями перечисляются обязательные профессиональные пенсионные взносы в размере 5% от фонда оплаты труда, которые относятся на вычеты по корпоративному подоходному налогу.

Обязательные профессиональные пенсионные взносы перечисляются в соответствии с Перечнем производств, работ, профессий работников, утвержденным постановлением Правительства Республики Казахстан [6].

В Кыргызской Республике³ пенсионная система состоит из двух уровней:

1. Государственная обязательная солидарная пенсионная система с накопительным компонентом;
2. Добровольная индивидуальная накопительная система.

Первый компонент состоит из солидарной пенсионной системы, которая включает базовую часть пенсии, первую и вторую страховые части пенсий.

Второй, добровольный накопительный компонент включает в себя добровольную индивидуальную накопительную схему.

Основой пенсионной системы Кыргызской Республики является обязательное государственное пенсионное страхование, которое представлено в виде условно-накопительной пенсионной системы: учитываются средства граждан, заработанные до введения персонифицированного учета в 1996 году, а также накопленные средства на индивидуальных страховых счетах, после введения персонифицированного учета, с 1996 года.

В соответствии с законодательством Кыргызской Республики назначаются следующие виды пенсий:

- по возрасту;
- по инвалидности;
- по случаю потери кормильца.

Общая пенсия, выплачиваемая из средств государственного пенсионного социального страхования, состоит из солидарной (базовой и страховых частей пенсии) и накопительной частей, кро-

ме пенсии по случаю потери кормильца, которая состоит из базовой и страховых частей пенсий.

Кроме того, в системе предусматриваются государственные гарантии в виде финансовой поддержки пенсионеров (выплата базовой части пенсии, компенсаций и надбавок к пенсиям), а также различные виды льгот для отдельных категорий граждан за счет средств республиканского бюджета.

С 1 января 2010 года в Кыргызской Республике в систему с условно-накопительными пенсионными счетами был введен накопительный компонент в размере 2% от взноса работника.

В формировании накопительной части пенсии участвуют работники организованного сектора экономики Кыргызской Республики, за исключением работающих пенсионеров, мужчин, рожденных до 1 января 1964 года, и женщин, рожденных до 1 января 1969 года, поскольку у данных категорий граждан до выхода на пенсию остается недостаточно времени, чтобы сформировать необходимый уровень накопительной части пенсии в рамках обязательного накопительного компонента.

Инвестирование пенсионных накоплений регулируется отдельным законом [7], которым определены правовой статус субъектов и участников отношений по формированию и инвестированию средств пенсионных накоплений, а также основы государственного регулирования, контроля и надзора в сфере инвестирования средств пенсионных накоплений.

В соответствии с законодательством [8] гражданам Кыргызской Республики, в том числе иностранным гражданам и лицам без гражданства, постоянно проживающих в Кыргызской Республике ежемесячно от всех видов выплат установлен общий тариф страховых взносов в размере 27,25%, из них 17,25% – для работодателей и 10% – для работников.

Законом предусмотрено, что работодателем за временно пребывающих иностранных граждан Кыргызской Республики установлен тариф страховых взносов в размере 3% в солидарную часть Пенсионного фонда. Уплата страховых взносов в солидарную часть за временно пребывающих не дает право на пенсионное обеспечение по государственному социальному страхованию [8].

В Российской Федерации⁴ с 1 января 2015 года введен новый порядок формирования пенсионных прав и расчета размеров пенсии в системе обязательного пенсионного страхования [9,

³ По материалам Социального фонда Кыргызской Республики.

⁴ По материалам Министерства труда и социальной защиты населения Российской Федерации.

10]. Ключевым моментом в реформировании пенсионной системы стал переход на новую пенсионную формулу. Это позволило убрать ожидаемый период выплаты пенсии и предусмотреть более высокие стимулирующие коэффициенты при отложенном выходе на пенсию.

Сохранена без изменений формула в части накопительной составляющей. В формуле расчета пенсий инвалидам и по потере кормильца сохранены мультипликационные коэффициенты, увеличивающие размеры, что также позволяет говорить о сохранении механизма без изменений. При этом остался институт фиксированной выплаты, отражающий солидарный характер пенсионной выплаты.

В формуле расчета страховой пенсии учет в условных рублях заменен индивидуальным пенсионным коэффициентом, стоимость которого зафиксирована в законе.

Необходимость перехода к новой пенсионной формуле вызвана тем, что действующий порядок расчета трудовых пенсий по старости несправедлив к самой экономически активной категории населения, к тем, кто собирается долго вести активную трудовую жизнь. Уравнительный принцип расчета пенсий приводил к тому, что трудовые пенсии граждан, имеющих незначительный стаж, примерно равны пенсиям граждан, имеющих длительный страховой стаж.

Новый порядок формирования пенсионных прав и исчисления пенсий позволит обеспечить адекватность пенсионных прав заработной плате и повысить значение страхового стажа и «белой» заработной платы при формировании пенсионных прав и расчете размера пенсии. Важно, что при этом будет сохранен приемлемый уровень страховой нагрузки на работодателей и на федеральный бюджет, а также созданы необходимые условия для сбалансированности пенсионной системы.

Трудовая пенсия по старости после введения нового порядка расчета пенсий трансформировалась в страховую пенсию и накопительную пенсию.

В соответствии с новым порядком на размер пенсии в первую очередь будут влиять:

- размер заработной платы: чем выше зарплата, тем выше пенсия. Если работодатель не делал взносы за своего работника в систему обязательного пенсионного страхования в полном объеме (например, в случае выплаты «серой» заработной платы), этот заработок в формировании пенсионных прав не участвует;
- длительность страхового стажа: чем продолжительнее страховой стаж гражданина, тем

больше у него будет сформировано пенсионных прав, за каждый год трудовой деятельности будет начисляться определенное количество пенсионных коэффициентов;

- возраст обращения за назначением трудовой пенсии: пенсия будет существенно повышена за каждый год, истекший после достижения пенсионного возраста до обращения за пенсией.

Страховая пенсия по старости будет назначаться гражданам при соблюдении трех условий.

Первое – достижение возраста 55 лет (для женщин) и 60 лет (для мужчин). Важно отметить, что пенсионный возраст повышаться не будет.

Второе – наличие стажа: не менее 15 лет. Повышение требований к стажу будет происходить постепенно: в 2015 году он составит 6 лет и в течение 10 лет поэтапно, по 1 году, увеличится до 15 лет.

Третье – необходимо сформировать пенсионные права в объеме 30 индивидуальных пенсионных коэффициентов. Требование по наличию 30 индивидуальных пенсионных коэффициентов также будет вводиться постепенно: в 2015 году – 6,6 с последующим ежегодным увеличением на 2,4 до достижения указанной величины.

Для назначения страховой пенсии по новой формуле предлагается заработок, который гражданин получает в течение всей своей трудовой жизни, переводить в индивидуальные пенсионные коэффициенты. Например, если у гражданина предельная взносооблагаемая заработная плата, то он получит 10 баллов. Половина максимально облагаемой суммы – это 5 баллов и так далее.

Индивидуальные пенсионные коэффициенты суммируются. Например, гражданин проработал 30 лет, получая максимальный взносооблагаемый заработок, за год он получает 10 баллов, а за 35 лет работы сумма его индивидуальных пенсионных коэффициентов, равна 350 баллам.

Сумма индивидуальных пенсионных коэффициентов (баллов) гражданина в год выхода на пенсию умножается на стоимость пенсионного коэффициента, таким образом, определяется размер страховой пенсии. К страховой пенсии будет устанавливаться фиксированная выплата (аналог фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии по старости, его размер с 1 февраля 2015 года – 4 383,59 руб.).

Стоимость индивидуального пенсионного коэффициента определяется как соотношение общего объема доходов Пенсионного фонда России (страховые взносы, которые перечисляются работодателями за работающих, и трансферты феде-

рального бюджета) к общей сумме индивидуальных пенсионных коэффициентов (баллов), которые накоплены всеми пенсионерами. Стоимость пенсионного коэффициента ежегодно устанавливается законом о бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации.

Стоимость коэффициента следующего года не может быть ниже стоимости коэффициента предыдущего года, а только выше – поскольку учитывается инфляция и доходы Пенсионного фонда Российской Федерации [9].

Пенсионные права по новой пенсионной формуле в полном объеме будут формироваться у граждан, которые в 2015 году вступят в трудовую жизнь. При введении новых правил обязательным остается принцип сохранения пенсионных прав: все пенсионные права, сформированные до 2015 года, фиксируются, сохраняются и гарантированы будут исполняться.

Трудовые пенсии граждан, которые уже назначены (будут назначены до 1 января 2015 года), пересчитаны по новой формуле. Если при перерасчете по новым правилам размер пенсии не достиг размера пенсии, получаемой пенсионером на 1 января 2015 года, то пенсионеру будет выплачиваться пенсия в прежнем размере.

Условия назначения пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца остались прежними.

Законодательством предусмотрен ежегодный перерасчет пенсий для работающих пенсионеров (в пределах заработной платы до 18 тысяч рублей) [9]. Тем самым обеспечиваются права значительной части пенсионеров, которые получают невысокую заработную плату. Для них перерасчет будет стопроцентным, для остальных же перерасчет ограничится тремя баллами.

В страховой стаж засчитываются такие социально значимые периоды жизни человека, как срочная служба в армии, уход за ребенком, ребенком-инвалидом, гражданином старше 80 лет. За эти, так называемые «нестраховые периоды», присваиваются особые годовые коэффициенты (1,8 за каждый год соответствующего периода, за уход за вторым ребенком – 3,6, а за третьим и четвертым – 5,4) [9].

Если ранее действующим законодательством было предусмотрено возмещение средств за «нестраховые периоды» исходя из одного минимального размера оплаты труда, то в Законе «О страховых пенсиях» соответствующие суммы возмещения увеличены, в том числе кратно [9].

Поэтому, если у мамы «нестраховые периоды» ухода за четырьмя детьми совокупно составляют

6 лет, то за эти периоды она получит 24,3 балла.

По новой пенсионной формуле выходить на пенсию позже будет выгодно. За каждый год более позднего обращения за пенсией страховая пенсия будет увеличиваться на соответствующие премиальные коэффициенты. Например, если обратиться за назначением пенсии через 5 лет после достижения пенсионного возраста, то фиксированная выплата вырастет на 36%, а страховая пенсия – на 45%; если через 10 лет, то фиксированная выплата увеличится в 2,11 раз, а страховая пенсия – в 2,32 раза.

Законом сохранен действующий порядок, который предусматривает, что для определенных категорий граждан: инвалидов I группы, граждан, достигших 80-летнего возраста, граждан работавших или проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, пенсия будет назначаться в повышенном размере за счет увеличенного размера фиксированной выплаты, либо применения «северных» коэффициентов к данной выплате.

Законом сохранены все льготы в части досрочных пенсий, в том числе для лиц, проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях [9]. В соответствии с новой пенсионной формулой, размер страховой пенсии по старости, назначаемой ранее общеустановленного возраста, будет выше, чем по действующей, в связи с отменой ежегодно растущего в настоящее время показателя ожидаемого периода выплаты пенсии.

Накопительная пенсия

Законом «О накопительной пенсии» [10] предусматривается, что накопительная пенсия устанавливается при наличии оснований для назначения страховой пенсии по старости, а также застрахованным лицам, являющимся получателями страховой пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца, при наличии средств пенсионных накоплений, учтенных в специальной части индивидуального лицевого счета застрахованного лица или на пенсионном счете накопительной пенсии. Размер накопительной пенсии будет ежегодно с 1 августа подлежать корректировке по результатам инвестирования средств выплатного резерва.

Принципы формирования накопительной пенсии остались прежними: размер пенсии, будет определяться, исходя из средств пенсионных накоплений и величины ожидаемого периода выплаты накопительной пенсии. До 2016 года пери-

од выплаты накопительной пенсии устанавливается продолжительностью 19 лет (228 месяцев), а после этой даты будет ежегодно определяться Федеральным законом на основании статистических данных о продолжительности жизни получателей накопительной пенсии. С 1 января 2015 года накопительные части трудовых пенсий по старости считаются накопительными пенсиями без истребования соответствующего заявления от граждан.

Также Законом «О накопительной пенсии» предусмотрен порядок выплаты правопреемникам умершего застрахованного лица средств пенсионных накоплений, учтенных в специальной части индивидуального лицевого счета застрахованного лица или на пенсионном счете накопительной пенсии.

Кроме того, в Законе «О накопительной пенсии» определяется орган, осуществляющий пенсионное обеспечение по установлению накопительной пенсии: либо Пенсионный фонд Российской Федерации либо негосударственный пенсионный фонд, в которых соответственно застрахованное лицо формирует свои пенсионные накопления.

Необходимость разработки отдельного международного Договора, регулирующего вопросы пенсионного обеспечения трудящихся государств-членов и членов их семей, предусмотрена Договором о Союзе.

Комиссии и государствам-членам поручено руководствоваться Концепцией [11] при разработке проекта Договора о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза (далее – проект Договора о пенсионном обеспечении) [11]. Комиссией совместно с государствами-членами разработан проект Договора о пенсионном обеспечении. В настоящее время проект проходит процедуры согласования.

В рамках разработки этого документа Комиссия проводит консультации с представителями бизнес-сообщества и общественными организациями государств-членов; проведено первое заседание Консультативного комитета по вопросам социального обеспечения, соблюдения пенсионных прав, оказания медицинской помощи и профессиональной деятельности трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза, осуществлен ряд мероприятий по обсуждению редакции проекта.

Проект Договора о пенсионном обеспечении разрабатывается таким образом, что пенсионные системы государств-членов не будут подвергнуты существенным изменениям. Это связано, прежде всего, с тем, что основными нормами проекта

Договора о пенсионном обеспечении являются вопросы участия трудящихся-мигрантов в пенсионной системе (формирование прав), сохранения и перевода пенсионных прав граждан в случае переезда из одной страны в другую.

Основная цель разработки проекта Договора – обеспечение равных прав в сфере пенсионного обеспечения, защита приобретенных трудящимися пенсионных прав на территории государств-членов, а также развитие сотрудничества в сфере пенсионного обеспечения между государствами-членами.

В соответствии с Договором о Союзе трудящийся государства-члена – лицо, являющееся гражданином страны Союза, законно находящееся и на законном основании осуществляющее трудовую деятельность на территории государства трудоустройства, гражданином которого оно не является и в котором постоянно не проживает.

Для получения пенсионного обеспечения гражданам государств-членов в соответствии с национальным законодательством в большинстве случаев необходимо иметь статус постоянного проживания или гражданство в государстве трудоустройства, отработать на его территории требуемое количество лет, достигнуть пенсионного возраста, а также соответствовать другим критериям, установленным законодательством государства. То есть назначение пенсии и пособий зависит от выполнения конкретных обязательных требований к стажу, месту жительства, возрасту, уплате взносов и другим. При этом в случае отсутствия соответствующего договора между странами периоды осуществления трудовой деятельности, приобретенные трудящимися в нескольких государствах-членах, не суммируются.

Таким образом, у трудящихся могут отсутствовать основания для назначения пенсии и участия в системе пенсионного обеспечения в соответствии с национальным законодательством, что делает практически невозможной задачей реализацию пенсионных прав трудящихся в полном объеме, который сформирован ими за годы работы на территориях нескольких государств-членов.

Разработка проекта Договора между государствами-членами о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения предполагает решение следующих основных задач:

- пенсионное обеспечение граждан государств-членов должно осуществляться на тех же условиях и в том же порядке, что и граждан государства трудоустройства, в части уплаты страховых (обязательных пенсионных) взно-

сов, а также приобретения и сохранения соответствующих пенсионных прав;

- учет государством-членом приобретенных гражданами пенсионных прав на территории государств-членов при определении права на пенсионное обеспечение, назначении пенсий в соответствии с положениями проекта Договора о пенсионном обеспечении и законодательства государства-члена;
- развитие сотрудничества между государствами-членами в сфере пенсионного обеспечения, в том числе путем обмена информацией и документами между уполномоченными органами государств-членов, включая обмен в электронном виде.

В отношении видов пенсий, согласованных государствами-членами в рамках проекта Договора о пенсионном обеспечении, государство-член должно гарантировать гражданам других государств-членов объем прав на пенсионное обеспечение, равный объему прав, который предоставляется гражданам этого государства-члена при аналогичных условиях.

Государство-член должно гарантировать сохранение объема пенсионных прав граждан другого государства-члена, приобретенных на его территории.

Договор о пенсионном обеспечении не будет распространяться на отношения по пенсионному обеспечению сотрудников силовых структур, военнослужащих вооруженных сил, членов их семей, других лиц, приравненных к данным категориям в части пенсионного обеспечения согласно специальному законодательству, а также на государственных служащих (в Российской Федерации – государственных гражданских служащих).

В проекте Договора о пенсионном обеспечении предполагается решить вопросы, связанные с экспортом пенсионных прав: каждое государство будет выплачивать гражданину часть пенсии за период работы и отчисления взносов.

Пенсии будут выплачиваться государством-членом, их назначившим, в том числе в случае проживания трудящегося на территории другого государства-члена. Трудящийся будет иметь право на получение пенсии на территории государства проживания либо государства-члена, назначившего пенсию.

Предусмотрено, что размеры пенсий не могут быть уменьшены; их выплата не может быть приостановлена или прекращена на основании местожительства трудящегося на территории другого государства-члена.

При определении права на пенсии будет учитываться стаж работы, приобретенный на территориях государств-членов как до, так и после вступления в силу проекта Договора о пенсионном обеспечении, а также стаж, приобретенный на территории бывшего СССР.

Формирование и реализация пенсионных прав трудящихся будет происходить на тех же условиях и в том же порядке, что и для граждан государства трудоустройства.

Таким образом, проектом Договора учитываются все особенности национальных законодательств государств-членов.

В целях практического применения норм проекта Договора о пенсионном обеспечении планируется подготовить административное соглашение, в котором будут правила, детализирующие процедуры по администрированию назначения пенсии, а также по разработке и использованию типовых форм документов.

В частности, соглашение будет детализировать:

- процедуры подачи заявлений лиц о назначении пенсии, пересмотре, перерасчете и переводе назначенной пенсии на территорию другого государства-члена;
- порядок обмена документами и унифицированными уведомлениями о правильности подтверждения стажа работы, приобретенного на территории государств-членов;
- условия и порядок полного и своевременного перечисления пенсий, а также приостановления, прекращения и изменения размера пенсии;
- форму обмена информацией об обстоятельствах, имеющих значение для пенсионного обеспечения трудящихся государств-членов.

Также будут разработаны общие формуляры, используемые пенсионными фондами при взаимодействии по вопросам, связанным с обращением за пенсией, подтверждением сведений о стаже работы, медицинском освидетельствовании (обследовании), назначением и выплатой пенсии.

Основными отличиями положений проекта Договора о пенсионном обеспечении от норм национального законодательства являются следующие:

- принцип сохранения пенсионных прав, независимо от формирования прав застрахованными лицами статуса нахождения на территории государств-членов (принцип следования пенсионных прав за гражданами);
- учет и суммирование стажа, приобретенного в период осуществления трудовой деятельности на территории государств-членов;

- создание специального информационного ресурса, на базе которого будет осуществляться обмен информацией и документами в электронном виде с использованием современных технологий и защиты персональных данных;
- распределение расходов на выплату пенсий осуществляется в зависимости от объема пенсионных прав, приобретенных гражданами на территории государств-членов;
- взаимодействие заявителя только с одним основным учреждением.
- Привлекательность пенсионного обеспечения трудящихся граждан государств-членов повышается благодаря следующим преимуществам:
- доступность пенсионного обеспечения для трудящихся государств-членов;
- расширение охвата пенсионного обеспечения трудящихся государств-членов;
- предоставление равных прав гражданам государств-членов на пенсионное обеспечение;
- формирование пенсионных прав в государстве-члене, на территории которого выполняется работа вне зависимости от статуса нахождения (проживания) на этой территории;
- распределение обязательств государств-членов за сформированные гражданами пенсионные права;
- установление единых подходов (принципов) формирования пенсионных прав трудящихся государств-членов и членов их семей.
- Предполагается распространить действие

проекта Договора о пенсионном обеспечении на пенсии, предусмотренные законодательством государств-членов. При этом экспорт накопительной части пенсии осуществляется в полном объеме, базовая часть пенсии выплачивается государством проживания.

Проектом Договора предусматривается назначение и выплата пенсий в следующем порядке:

- за стаж работы, приобретенный до вступления в силу проекта Договора о пенсионном обеспечении, пенсии назначаются и выплачиваются в соответствии с законодательством государств-членов и международными договорами, в том числе Соглашением о гарантиях прав граждан [12] в области пенсионного обеспечения;
- за стаж работы, приобретенный после вступления в силу проекта Договора о пенсионном обеспечении, пенсии назначает и выплачивает государство-член, на территории которого приобретен соответствующий стаж работы.

Таким образом, вступление в силу Договора о пенсионном обеспечении обеспечит гражданам государств-членов реализацию и защиту пенсионных прав, приобретенных ими при осуществлении трудовой деятельности на территориях государств-членов. Кроме того, принятие Договора о пенсионном обеспечении будет способствовать дальнейшему развитию сотрудничества уполномоченных и компетентных органов государств-членов в сфере пенсионного обеспечения.

Литература

1. Закон Республики Армения «О государственных пенсиях» от 22 декабря 2010 года.
2. Закон Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении» от 17 апреля 1992 г. № 1596-XII.
3. Указ Президента Республики Беларусь от 03 сентября 2013 г. № 389 «О некоторых вопросах пенсионного обеспечения и социального страхования».
4. Указ Президента Республики Беларусь от 08 декабря 2014 г. № 570 «О совершенствовании пенсионного обеспечения».
5. Закон Республики Казахстан «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» от 21 июня 2013 года № 105.
6. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении перечня производств, работ, профессий работников, в пользу которых вкладчиками обязательных профессиональных пенсионных взносов за счет собственных средств осуществляются обязательные профессиональные пенсионные взносы» от 31 декабря 2013 г. № 1562.
7. Закон Кыргызской Республики «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части пенсии по государственному социальному страхованию в Кыргызской Республике» от 4 июля 2011 г. № 78.
8. Закон Кыргызской Республики «О тарифах страховых взносов по государственному социальному страхованию» от 24 января 2004 года № 8.
9. Федеральный закон «О страховых пенсиях» от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ.
10. Федеральный закон «О накопительной пенсии» от 28 декабря 2013 г. № 424-ФЗ.
11. Решение Совета Комиссии «Концепция проекта международного договора о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения» от 12 ноября 2014 г. №103.
12. Соглашение государств-участников СНГ «О гарантиях прав граждан государств-участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения» от 13 марта 1992 года.

РЕКЛАМНАЯ ФЕЕРИЯ: ПРОВЕДЕНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Иванова Ж. Б., Нечаева Е. А. *

Аннотация. Авторы статьи рассматривают инновационные механизмы проведения практических занятий по теме «Правовые основы регулирования рекламной деятельности» с помощью мультимедиа. Реклама окружает человека повсюду – рекламные баннеры, стойки, вывески, телевизионная и радиореклама, в журналах, газетах. Реклама является сильнейшим психологическим средством, ведь именно она отчасти формирует спрос и предложение, потребности и желания человека. Для того, чтобы студенты смогли разобраться в сущности, формах, видах рекламы, им предлагается пройти игру, позволяющую не только всесторонне изучить рекламные понятия, но и научиться выявлять недостатки, нарушения рекламы, а также отличать добросовестную от недобросовестной рекламы.

Умелое сотрудничество человека и персонального компьютера в образовании позволит сделать процесс обучения более эффективным. Наиболее ярко это сотрудничество проявляет себя в ходе проведения интерактивных занятий с применением мультимедиа-технологии обучения.

Ключевые слова: мультимедийная установка, интерактивная игра, реклама, информационные технологии, студенты, творческий подход, «Правовые основы регулирования рекламной деятельности», инновационные механизмы проведения практических занятий.

В условиях развития информационного общества многие общественные отношения, в том числе в области юридического образования, реализуются в информационной среде. Безусловно, актуальной в этой связи является задача по созданию новых информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе, а именно пересмотре уже сложившихся традиционных методик преподавания, совершенствованию их на основе использования информационных технологий.

В этой связи широкое использование в процессе обучения информационно-коммуникационных технологий оптимизирует процесс обучения студентов юридических вузов.

Передача знаний, выработка умений и навыков у студентов будет гораздо эффективней, если

преподаватель сможет использовать программные средства современных информационных технологий. Так как одним из способов достижения высокого уровня и качества как лекционных, так и практических занятий является применение для подготовки и проведения рассматриваемых занятий программных средств информационных технологий [1, с.19].

Содержание многих юридических дисциплин меняется достаточно динамично. Это обуславливается процессом регулярного изменения действующего законодательства [2, с.27]. В связи с этим дидактический материал, как на лекционных, так и на практических занятиях должен постоянно обновляться. Причем форма подачи научного материала должна быть современной, с использованием не только интерактивных методик препода-

* **Иванова Жанна Борисовна**, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Коми республиканской академии государственной службы и управления, кандидат юридических наук, Российская Федерация, г. Сыктывкар.

E-mail: mgb-pravo@yandex.ru

Нечаева Екатерина Андреевна, научный сотрудник федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Со-рокина», Российская Федерация, г. Сыктывкар.

E-mail: ne4a.ekaterina@yandex.ru

вания, но и применяя мультимедийную установку.

Мультимедийная установка позволяет достаточно удачно использовать приложения к Microsoft Office – программы MS Power Point, Microsoft Excel, Microsoft Word.

Затрачивая минимальное количество времени, в достаточно короткие сроки можно составить слайды с тезисами выступлений, схемы, таблицы, алгоритмы, а также обеспечить их необходимыми иллюстрациями. MS Power Point предлагает широкие возможности по оформлению презентации, с использованием не только текста научного материала, но и изображение различных диаграмм, кино-фото-аудио документов, таблиц, после чего, применяя мультимедийную установку можно проводить экранную демонстрацию презентации [3, с. 122].

Именно на практических занятиях отрабатываются и проверяются, полученные на лекциях знания, после чего они превращаются в умения и навыки, которые студенты могут применить уже в будущей практической работе [4, с. 18-23]. Придать более живой характер практическим занятиям помогает применение слайдов, приготовленных не только с помощью MS Power Point [5, с. 35-37].

Реклама позволяет донести информацию до людей и окружает нас повсюду – рекламные баннеры, стойки, вывески, телевизионная и радиореклама, в журналах, газетах [6, с. 12-13]. Реклама является сильнейшим психологическим средством, ведь именно она отчасти формирует спрос и предложение, потребности и желания человека [7, с.8]. Для того, чтобы студенты смогли разобраться в сущности, формах, видах рекламы, им предлагается пройти игру, позволяющую не только всесторонне изучить рекламные понятия, но и научиться выявлять недостатки, нарушения рекламы, а также отличать добросовестную от недобросовестной рекламы, последняя не только не перестает существовать, но и продолжает набирать обороты [8, с. 10].

Перед началом игры группа студентов делится на команды по 4 человека. Командам предлагается самостоятельно определить тему игры. Для этого им даются подсказки в виде 4 картинок, которые непосредственно отражают тему игры (Рис. 1).

Правильным ответом является реклама. Именно правовым основам регулирования рекламной деятельности посвящена игра.

Итак, команды выполняют последовательно, одновременно предложенные задания. За успешное выполнение задания командам дается буква

Рис.1 Задание на определение темы игры

от загаданного слова. В первом задании необходимо добавить в текст недостающие слова (рис.2). На выполнение задания дается 3 минуты.

Задание №1

✓ **Реклама** – (1), распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых (2), адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к (3) рекламированию, формированию или поддержание интереса к нему и его продвижению на рынке.

✓ **Объект рекламирования** – (4), средства индивидуализации юридического лица и (или) товара, изготовитель или продавец товара, (5) интеллектуальной деятельности либо мероприятие (в том числе спортивное соревнование, концерт, конкурс, фестиваль, основанные на риске игры, пари), на привлечение внимания к которым направлена реклама.

✓ **Товар** – (6) деятельности (в том числе работа, (7)), предназначенный для продажи, обмена или иного введения в оборот;

✓ **Рекламодаватель** - изготовитель или продавец товара либо иное определившее объект рекламирования и (или) (8) рекламирующее;

А) Результат

Б) Товар

В) Информация

Г) Продукт

Д) Средство

Е) Услуга

Ж) Содержание

З) Объект

Рис.2 Первое задание

Во втором задании участникам предстоит продемонстрировать свои знания закона «О рекламе» и отразить нарушения требований закона на предложенных примерах (рис. 3).

В современном мире набирает популярность, так называемая социальная реклама, которая отражает недостатки и пороки современного общества. Поэтому в третьем задании командам предстоит подумать, что именно отражает та или иная социальная реклама (рис.4, 5). В зависимости от количества правильных ответов команды награждаются 1 или 2 буквами. На обдумывание одной социальной рекламы – 2 минуты.

Четвертое задание имеет название «Верите ли Вы, что...». Само название говорит, что ответ под-

Задание №2

Реклама должна быть добросовестной и достоверной. Назовите какие требования нарушают следующие рекламы.

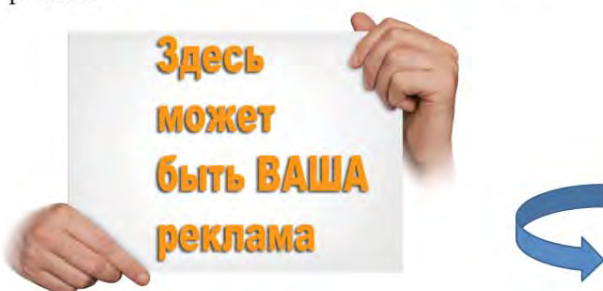

Рис.3 Задание на знание закона «О рекламе»

Задание №3

Социальная реклама - информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства.

Определите для какой цели созданы следующие социальные рекламы.

Рис.4 Задание посвященное социальной рекламе

Рис. 5 Пример социальной рекламы

разумеает или краткое «верю» или «не верю». Из 10 высказываний командам для получения буквы необходимо правильно дать ответ на 8 (рис. 6).

Пятое задание предполагает соотношения двух частей предложения. Ответ представляет собой буквенно – цифрную комбинацию. На выполнение задания 6 минут (рис.7).

Задание 4

Верите ли Вы, что...
1) В рекламе снимается реальная еда?

Рис.6 Задание «Верите ли Вы, что...»

Задание 5

1. Рекламодатель отвечает за нарушения в части	А. Оформление, производство, подготовку рекламы
2. Рекламопроизводитель отвечает за	Б. Гражданско-правовая, административная, уголовная
3. Рекламораспространитель несет ответственность	В. Министерство по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства и его территориальные подразделения
4. Государственным органом, в функции которого входит контроль за осуществлением рекламной деятельности, является	Г. За нарушения законодательства в части, касающейся времени, места и средства размещения рекламы.
5. За нарушение законодательства о рекламе предусмотрена ответственность	Д. Административную ответственность путем наложения штрафа.
6. Ненадлежащая реклама, или отказ от контррекламы влечет за собой	Е. Возмещения убытков, включая упущенную выгоду; компенсацию морального вреда.
7. Лица, права и интересы которых нарушены в результате ненадлежащей рекламы, могут в судебном порядке потребовать	Ж. Содержания рекламной информации, если не доказано, что нарушение произошло не по его вине

Рис.7 Задание на соотношение

В следующем задании командам предлагается исправить ошибки в тексте, посвященному рекламе на радиостанциях. Время выполнения – 6 минут (рис.8).

ЗАДАНИЕ 6

Исправьте все ошибки в предложенном тексте.

Прерывание радиопрограммы или радиопередачи рекламой не должно предвлекаться сообщением о последующей трансляции рекламы, за исключением прерывания спонсорской рекламой. В радиопрограммах, не зарегистрированных в качестве средств массовой информации и специализирующихся на сообщениях и материалах рекламного характера, продолжительность рекламы не может превышать тридцати процентов времени вещания в течение суток.

В радиопрограммах не допускается прерывать рекламой следующие радиопередачи:

- 1) религиозные радиопередачи;
- 2) радиопередачи продолжительностью менее чем пятнадцать минут;
- 3) Детские передачи.

Вышеуказанные радиопередачи могут прерываться спонсорской рекламой непосредственно в начале и непосредственно перед окончанием радиопередачи при условии, что общая продолжительность такой рекламы не превышает одной минуты.

Допускается прерывание рекламой, в том числе спонсорской рекламой, трансляции агитационных материалов, распространяемых в радиопрограммах и радиопередачах в соответствии с законодательством Российской Федерации о выборах и законодательством Российской Федерации о референдуме.

Рис.8 Задание на исправление ошибок в тексте

Рекламная феерия: проведение практических занятий с помощью...

Седьмое задание состоит в том, что необходимо соединить картинку с понятием, которое она отражает (рис.9).

ЗАДАНИЕ 7

Соедините понятие и картинку.

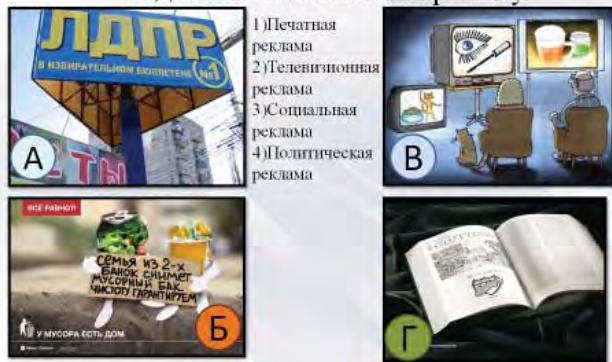

Рис.9 Задание на соотношение

Восьмое задание на отыскание лишних слов в тексте. Время выполнения – 6 минут (рис.10).

ЗАДАНИЕ 8

Какие слова в данном тексте являются лишними?

Юридические лица, индивидуальные предприниматели, физические лица обязаны представлять в антимонопольный орган (его должностным лицам) по его мотивированному требованию в установленный срок, равный 30 суткам, необходимые документы, материалы, объяснения, информацию в письменной и (или) устной форме (в том числе информацию, составляющую коммерческую, служебную, врачебную и иную охраняемую законом тайну), включая служебную переписку в электронном виде, а также обеспечивать уполномоченным должностным лицам антимонопольного органа доступ к такой информации и сведениям своих личных банковских счетов.

Рис.10

Девятое задание – творческое. Участникам предстоит придумать рекламный слоган к предложенной картинке. Время на выполнение – 10 минут (рис.11).

Выполнив, вышеуказанные задания команды могут получить 11 букв. В процессе игры командам предлагается выбрать одного члена команды, который будет выполнять индивидуальное задание (рис.12). Индивидуальное задание дает возможность получить недостающие буквы, а при полном наборе букв получить текстовую подсказку к загаданному слову. Один человек из команды имеет возможность выполнить только одно индивидуальное задание. Текстовые подсказки

ЗАДАНИЕ 9

Придумайте рекламный слоган, для представленной ниже картинке.

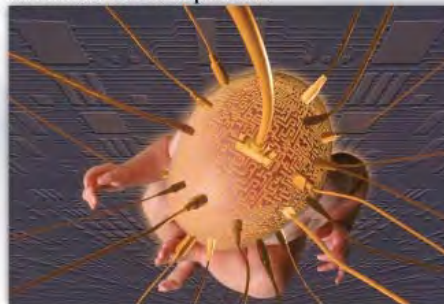

Рис.11 Творческое задание

Индивидуальное задание

Если в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации реклама признается офертой, такая оферта действует в течение (...) месяцев со дня распространения рекламы при условии, что в ней не указан иной срок.

Рис.12 Пример индивидуального задания

разрешается открыть только в конце игры, перед непосредственным сбором из букв слова. При нехватке букв допускается заменить неоткрытую подсказку буквой.

Загаданное слово – копирайтинг (рис. 13).

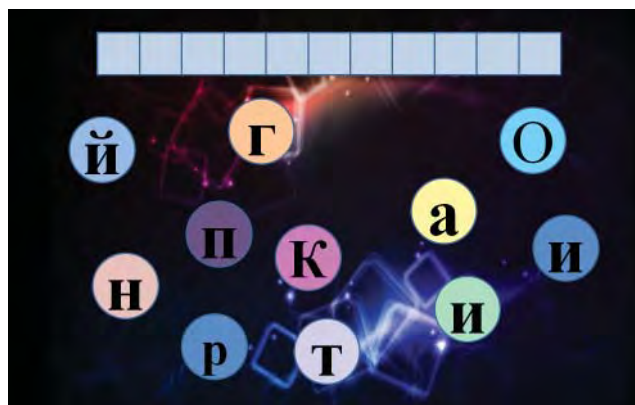

Рис.13 Финал игры

Подводя итог, отметим, что на сегодняшний день ни один успешный человек не обходится без

современной техники и информационных технологий. На современном этапе модернизируются методы обучения юридическим дисциплинам под воздействием информационно-коммуникационных технологий. Бурное развитие компьютерных технологий в современном мире охватило практически все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и образование. Благодаря этому персональный компьютер превратился в мощное средство образования [9, с. 25-26].

Однако это вовсе не означает, что компьютер, берущий на себя часть функций педагога, способен вытеснить его из процесса обучения [10, с.8]. Наоборот, умелое сотрудничество человека и персонального компьютера в образовании позволит сделать процесс обучения более эффективным. Наиболее ярко это сотрудничество проявляет себя в ходе проведения интерактивных занятий с применением мультимедиа-технологии обучения.

Литература

1. Морозов А.В., Полякова Т.А. Подготовка аспирантов по специальности «Информационное право» // Информационное право. № 2, 2014, с. 19.
2. Лопатин В.Н. Проблемы и перспективы кодификации законодательства в сфере информационного права и интеллектуальной собственности // Информационное право. № 3, 2014, с. 27.
3. Жукова Т.В. Использование программных средств современных информационных технологий в подготовке и проведении лекций и практических занятий по дисциплине «Уголовный процесс» // Использование интерактивных методов в преподавании юридических дисциплин. М., 2006. С. 122.
4. Лопатин В.Н. Об образовательных стандартах по направлению «Интеллектуальная собственность» // Право интеллектуальной собственности. № 1, 2012, с. 18–23.
5. Плоцкая О.А. Использование информационно-коммуникационных технологий в процессе познания источников права // О.А. Плоцкая, Ж.Б. Иванова. Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты: материалы международной научно-практической конференции 15-16 января 2011. – Пенза–Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. С. 35–37.
6. Валетдинова Э.Н. Интеллектуальная собственность как объект управления инновационным развитием предприятия на основе системного подхода // Право интеллектуальной собственности. № 6, 2013, с. 12–13.
7. Белозорова Э.Н., Кондратенко И.П. Технологичная экономика или будущее за интеллектуальной собственностью // Право интеллектуальной собственности. № 5, 2014, с. 8.
8. Лопатин В.Н. Управление рисками при инвестировании инновационного развития в рамках кластерной политики или как избежать имитации // Право интеллектуальной собственности. № 1, 2014, с. 10.
9. Леанович Е.Б. Международная охрана интеллектуальной собственности как учебная дисциплина в Республике Беларусь // Право интеллектуальной собственности. № 3, 2011, с. 25–26.
10. Рустикова Г.С., Брюханов Н.Н. Инновационные подходы в преподавании дисциплины «Информационное право» // Информационное право. № 2, 2014, с. 8.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФИКЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Федоров Д. А.*

Аннотация: В данной статье рассмотрен один из видов технико-юридического приема – юридические фикции. Автором были проанализированы различные понятия данного термина, наличие фикций в информационном законодательстве Российской Федерации и в нормах международного права. Главный вывод исследования заключается в необходимости более активного введения фикций, как в информационное законодательство, так и в иные отрасли законодательства РФ. Также был сделан вывод о том, что в информационном праве содержится преобладающее количество материальных фикций, что объясняется спецификой отношений, регулируемых данной отраслью.

Ключевые слова: юридические фикции, юридическая техника, информационное право, информационное законодательство.

Роль информационного права с каждым годом приобретает все большее значение. Мир меняется, общество развивается, и все чаще происходит взаимодействие его субъектов в виртуальном пространстве. Как известно, право является регулятором общественных отношений, а на сегодняшний день можно увидеть такую тенденцию, как стремление современного общества к информатизации. Знания и информация становятся главными инструментами и ценностями в руках людей, посредством которых и развивается общество.

Говорят, кто владеет информацией – владеет и миром, поэтому именно сегодня информация нуждается в защите и регулировании со стороны государства.

Двадцать первый век – это время прорывных технологий и инноваций, благодаря которым сегодня фактически складывается свой отдельный виртуальный мир, который развивается по тем же законам, что и реальный. В этом новом мире между людьми складываются разного рода общественные отношения. Информационное право как раз и призвано регулировать отношения между субъектами в информационной сфере.

Особую роль в информационном праве, как совершенно новой и прогрессивно развивающейся отрасли играет такой прием юридической техники, как юридическая фикция. В информационном законодательстве РФ содержится огромное количество пробелов, из-за которых снижается

эффективность регулирования общественных отношений в данной сфере. Эти пробелы можно устранить непосредственно с помощью применения юридических фикций.

Прежде чем говорить о применении выше обозначенного приема юридической техники, необходимо разобраться с самим понятием «юридическая фикция».

Так, О.В. Танимов определяет юридические фикции как «универсальный технико-юридический прием разработки и реализации норм права, состоящий в признании несуществующего положения существующим и наоборот, имеющий особое целевое назначение в механизме правового регулирования общественных отношений и являющийся одним из способов преодоления состояния неопределенности в правовом регулировании» [1, с. 110 – 111].

О.А. Курсова определяет фикцию «как средство юридической техники, при помощи которого конструируется заведомо несуществующее положение (отношение или состояние), признаваемое существующим и выполняющее роль недостающего юридического факта» [2, с.450].

И, наконец, К.Н. Панько пишет, что «юридическая фикция – прием законодательной техники, состоящий в признании существующим несуществующего положения и обратно, а также свойство нормы права не соответствовать потребностям общества в процессе правотворческой и

* **Федоров Даниил Алексеевич**, помощник юриста ООО «ФЕРСТ ЭД ЛО КОНСАЛТИНГ», Российская Федерация, г. Москва.
E-mail: daniilfedorov2012@yandex.ru

правоприменительной деятельности» [3, с.459].

Прежде чем говорить о наличии юридических фикций в информационном законодательстве, необходимо непосредственно обратиться к признакам фикций. О.В. Танимов выделяет следующие ее признаки [4, с.111-113]:

1. *Универсальность*. Во-первых, фикция присутствует на всех этапах развития права, во-вторых, она не является каким-то особым атрибутом отдельной правовой системы национального государства, а присуща всему международному праву в целом и, в-третьих, фикции применяются во всех отраслях права.
2. *Нормативное закрепление* юридической фикции в нормах права, что несет за собой обязательное исполнение норм, содержащих юридические фикции, а также их охрану со стороны государства;
3. *Неопровержимость* юридической фикции – положения фикции не могут быть опровержимы, в силу того, что они имеют императивный характер. Данный признак разграничивает фикции и презумпции;
4. *Заведомая условность* фикции. При использовании юридической фикции не имеет никакого значения установление объективной истины;
5. *Особое целевое назначение в механизме правового регулирования общественных отношений*, иными словами, фикции используются тогда, когда другими способами урегулировать те или иные общественные отношения законодателю не удастся или использование иных технико-юридических приемов будет неэффективным;
6. *Способность фикций порождать друг друга*. Так, например, классическая фикция «юридическое лицо» вызывает за собой иные фикции, такие как дееспособность, правоспособность и т.д. Но данный признак не всегда применим и реализуем на практике.

Юридические фикции обладают и иными признаками, например, они характеризуются исключительностью, так как данный прием юридической техники применяется в таких ситуациях, когда другими способами и средствами невозможно урегулировать общественные отношения (как говорит по этому поводу К.К. Панько, «фикция является своего рода спасательным кругом законодателя. С помощью этого приема достигаются цели законодательной политики»).

Для анализа мы взяли несколько нормативных актов в сфере информационного законодательства. Первым объектом исследования стал Федеральный закон № 5485-1 «О государственной

тайне» от 21 июля 1993 г. [5], в ст. 2 которого содержится следующая фикция: «носители сведений, составляющих государственную тайну, как материальные объекты, в том числе *физические поля*, в которых сведения, составляющие государственную тайну, *находят свое отображение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов*»¹ (абз.2, ст.2). В данном случае законодатель указывает, что физические поля, в которых информация, содержащая государственную тайну, может быть непосредственно представлена в виде различных средств зрительного и слухового восприятия информации человеком. Иными словами, законодатель *условно* приравнивал различные символы, образы, сигналы, технические решения и процессы к информации, которая в совокупности представляется в виде физических полей.

Исследуемые фикции в любом их проявлении обладают идентичными признаками, которые имеют одинаковое обоснование. Это их *нормативное закрепление* и *неопровержимость*, поэтому, на наш взгляд, каждый раз говорить об этих признаках нецелесообразно. А такие признаки как условность и универсальность характеризуют юридическую фикцию как таковую и являются общими для всех подобных технико-юридических приемов.

В качестве примера можно взять и такой термин как «псевдоним», часто встречающийся в четвертой части Гражданского кодекса [6] (см. ст.1265, 1281, 1315 и т.д.). Псевдоним (от псевдо... и греч. *όνομα* — имя), подпись или имя, которыми автор или артист заменяют своё настоящее имя [7, с.536]. Иными словами, законодатель официально закрепляет в выше приведенных статьях *вымышленные сведения, являющиеся заведомо несоответствующими действительности* и делается это для достижения достаточно объективных целей.

В ст. 6 Федерального закона от 6 апреля 2011 года №63-ФЗ «Об электронной подписи» сказано следующее:

«Информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, кроме случая, если федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе» [8].

¹ Слова, выделенные курсивом, соответствуют признакам юридических фикций.

Положение данной статьи, в части приравнивания информации к электронному документу также имеет фиктивный характер, т.к.

1. Она обладает признаком условности. Законодатель приравнивает электронный документ к документу на бумажном носителе и говорит об их «равнозначности».
2. Универсальность данного положения проявляется в том, что такие понятия, как электронный документ и документ на бумажном носителе используются во многих отраслях общественной жизни, а их применение в информационном законодательстве вызвано стремлением законодателя упростить процедуру подписания документа, используя современные средства связи.
3. Также, если исходить из того, что информация в электронной форме становится электронным документом только тогда, когда она будет подписана электронной подписью, то здесь на лицо тот признак, в соответствии с которым фикция породила, или «вызвала», другую фикцию. Иными словами, электронная подпись, которая уже по своей сути является фикцией (об этом будет сказано ниже), порождает за собой фикцию в виде электронного документа, равнозначному документу на бумажном носителе.

Фикцией является и такое понятие как «электронная подпись» [9, с.4]. Для начала обратимся к дефиниции данного понятия: «Электронная подпись – информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию». Для того, чтобы считать его фиктивным, имеется несколько оснований.

Во-первых, *формальность* данного положения закреплена в п. 1, ст. 2 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ.

Во-вторых, на лицо *особое целевое назначение электронной подписи в механизме правового регулирования*. Она служит для защиты электронного документа от подделки.

В-третьих, если исходить из здравого смысла, мы понимаем, что в материальном мире не существует подписи в электронном виде, имеется только подпись на бумажном носителе. В данном случае *законодатель отождествляет эти два понятия*. Это и есть *признак условности*, поскольку на деле подпись электронная совершенно отлична от подписи традиционной.

В-четвертых, электронный документ *вызвал* собой электронную подпись, что свидетельствует

о способности фикций вызывать друг друга. Если быть точнее, то эти две фикции, электронная подпись и электронный документ, способны вызывать друг друга вместе. Так, О.В. Танимов считает, что «широкое использование электронных документов в настоящее время вызвало проблему подтверждения их подлинности, авторства и юридической силы. Для ее решения была создана другая фикция – ЭЦП. В соответствии с Федеральным законом «Об электронно-цифровой подписи» электронная цифровая подпись – реквизит электронного документа» [9].

И в-пятых, «электронная подпись» – термин, имеющий *универсальный* характер в силу употребления его не только в юридической науке, но и в других отраслях научного знания.

Теперь можно взять для анализа нормы международного права, например, Типовой закон об электронной торговле, принятый Комиссией Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) и Руководство по принятию Типового закона [10].

Ст. 2: «Сообщение данных» *означает информацию, подготовленную, отправленную, полученную или хранимую с помощью электронных, оптических или аналогичных средств, включая электронный обмен данными (ЭДИ), электронную почту, телеграмму, телекс или телефакс, но не ограничиваясь»; «составитель» сообщения данных означает какое-либо лицо, которым или от имени которого сообщение данных, как предполагается, было отправлено или подготовлено...»*

Ст. 8: «Если законодательство требует, чтобы информация представлялась... в ее подлинной форме, это требование *считается выполненным*..., если: а) имеются надежные доказательства целостности информации с момента, когда она была впервые подготовлена в ее окончательной форме;

Ст.13, ч.1: «Сообщение данных *считается* сообщением данных составителя, если оно было отправлено самим составителем.

7. 1. В отношениях между составителем и адресатом сообщение данных считается сообщением данных составителя, если оно было отправлено: а) лицом, которое имело полномочия действовать от имени составителя в отношении этого сообщения данных; или б) информационной системой, запрограммированной составителем или от его имени функционировать в автоматическом режиме
8. 2. В отношениях между составителем и адресатом адресат *имеет право считать*, что сообще-

ние данных является сообщением данных составителя, и действовать исходя из этого предположения, если...»

Продолжать цитировать части статей закона можно еще долго. Главная мысль анализа Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле заключается в том, что он один содержит порядка 14 фикций, в то время как в законодательстве РФ 14 законов содержат 38 фикций [11, с.15].

Главная цель нашего исследования, как уже ранее говорилось, заключается в анализе норм информационного законодательства на наличие в них такого средства юридической техники, как фикции. Нами было исследовано несколько Федеральных законов в сфере информационного законодательства, а также один закон в области международной торговли (ЮНГИСТРАЛ) и как мы видим, если исходить из классификации юридических фикций, а именно, деление фикций на материальные и процессуальные, то не трудно заметить, что в нормах информационного законодательства содержится преобладающее количество именно материальных фикций. Этот факт объясняется непосредственной спецификой тех отношений, которые регулирует данная отрасль.

Итак, значительное количество юридических фикций в информационном законодательстве недопустимо считать негативным явлением, поскольку использование данного технико-юридического приема в этой развивающейся отрасли права носит прогрессивный характер. Ведь на протяжении достаточного долгого времени фикции считались антиподом закона. Еще в начале прошлого века на этот счет выразился основоположник нормативистской теории права Х. Кель-

зен, считавший, что право должно быть в «чистом виде», без применения фикций. По мнению Кельзена, «право определяется только правом» и «сила права только в нем самом». Советское право рассматривало «фикции» как пережиток буржуазной системы права, поэтому мысль об их применении была по сути абсурдной. Советская правовая идея основывалась на абсолютно идеальных законах, в которых нет места такому приему как фикция.

Именно юридические фикции позволят законам, регулирующим отношения в информационной сфере действовать в течение более длительного времени, избавят законодателя от частых внесенных поправок в нормативно-правовые акты из-за изменчивости данных общественных отношений. Количество фикций в информационном праве должно быть увеличено, чтобы сделать законодательство более гибким и способным эффективно регулировать общественные отношения в данной сфере. Но, тем не менее, не стоит забывать и о том, что фикции обладают таким признаком, как особая исключительность, т.е. они должны применяться только тогда, когда право не может иным способом урегулировать тот или иной вид общественных отношений. В силу этого, законодательству нужны исключительные нормы, способные восполнить не столько пробелы в праве, существующие на данный момент, сколько те, которые появятся с развитием информационного общества.

Литература

1. Танимов О.В. Фикция как категория юридической науки / Саарбрюккен (Германия): LAP LAMBERT Academic Publishing. 2012. 244 с.
2. Курсова О.А. Юридические фикции современного российского права: сущность, виды, проблемы действия // Проблемы юридической техники. С. 450–455.
3. Панько К.Н. Юридические фикции в современном российском праве // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 457–462.
4. Федеральный закон № 5485-1-ФЗ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года. Российская газета. 1993. №-182.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4. (принят ГД ФС РФ 21.11.2006) (ред. от 13.07.15) // Собрание законодательства РФ. 2006. №-52 (1 ч.). Ст. 5496.
6. Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. Т. 20: Плата—Проб. 1975. С. 1856.
7. Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи» от 6 апреля 2011 года. Российская газета. 1993. №-5451.
8. Танимов О.В. Электронный документ и электронная цифровая подпись как юридические фикции. // Информационное право. № 3. 2005. С. 10–13.
9. Типовой закон об электронной торговле. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № ООН А/51/628 от 16 декабря 1996 г. / Официальное издание Организации Объединенных Наций. Нью-Йорк, 1997.
10. Танимов О.В. Система юридических фикций в современном российском праве. // Вестник Российской правовой академии. 2007. № 1. С. 13–16.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И УНИФИКАЦИЯ КАК ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Боевец Л. А. *

Аннотация. В статье анализируются формы, процесс, условия, стимулы систематизации, основные требования, предъявляемые к ней. Также речь идет об унификации, ее основных принципах и целях проведения. Автор выделяет такие формы систематизации, как кодификация, инкорпорация, консолидация; рассказывает о девяти требованиях к систематизации; об отношении граждан к упорядочению законодательства; о необходимости учета нормативных правовых актов с целью фиксирования их существования; также о принципах систематизации, о соотношении систематизации и унификации. В заключении автор делает вывод о том, что существование систематизации и унификации законодательства способствует верному функционированию государства и права.

Ключевые слова: систематизация, законодательство, нормативные правовые акты, учет НПА, консолидация, кодификация, инкорпорация, унификация.

Теоретиками права часто поднимается тема систематизации и унификации законодательства, однако у всех имеются различные мнения на этот счет. В первую очередь необходимо дать определение систематизации законодательства. Чаще всего, под систематизацией подразумевается упорядочение и совершенствование действующего нормативно-правового материала путем его обработки и изложения по определенной системе в виде сборников актов или в форме сводных кодификационных актов¹.

Как об этом писал В.А. Сивицкий [1], основными формами систематизации являются кодификация (создание одного нормативного правового акта, который отличался бы внутренне упорядоченным содержанием и определенной структурой) и инкорпорация (упорядочение нормативных правовых актов по какой-либо теме или хронологии, помещение их в один сборник). Также существует такой способ систематизации, как консолидация (способ систематизации, который заключается в объединении двух или нескольких нормативных

правовых актов, схожих по сфере их действия и содержанию). Он также считается одним из основных способов систематизации, однако некоторые профессора не учитывают его важную роль в процессе упорядочения законодательства и исключают из центральных способов, относя его к вспомогательным. Это действие можно считать совершенно нелогичным, так как процесс консолидации, особенно в современных государствах совершенно незаменим. Давайте посмотрим, какую же роль этот способ играет для законодательства в целом. В наше время издается огромное количество нормативных правовых актов, которые могут содержать похожие нормы, регулирующие одну сферу общественной жизни. В такие моменты появляются вопросы, связанные с токованием закона, с его пониманием для всего населения государства, в котором был издан этот нормативный правовой акт. Главной целью консолидации становится сужение данного акта, выявление определенной логической последовательности. Вырабатывается соответствующий единый стиль, ликвидируются ненужные повторения, многословия. Производится корректировка предписаний, устранение устаревшей терминологии, нормы со схожим содержанием складываются в один акт.

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Юрид. литература, 1973. С. 326.

* **Боевец Любовь Александровна**, студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail: boevetz2010@yandex.ru

Все эти поправки вырабатываются для общего единообразного удобного толкования и понимания норм права. Как в международной, так и в российской практике можно найти немало примеров использования этого способа систематизации. Наиболее ярким примером служит консолидация Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1.10.1980 г. «О праздничных и памятных днях». В нем были совмещены 48 нормативных актов, каждый из которых имел отношение лишь к одному празднику. Поэтому, наряду с кодификацией и инкорпорацией, на мой взгляд, необходимо ставить и консолидацию.

К способам систематизации В. А. Сивицкий [1] и С. С. Алексеев [2] также относят справочно-информационную работу, которая заключается в сборе, хранении, размещении по разделам нормативного материала, выдаче уведомительных данных, справок.

Необходимо отметить, что для полноценного и удачного проведения полной систематизации нормативных правовых актов обязательно выполнение некоторых требований к последовательности ее проведения и к конечному результату деятельности.

Обычно выделяют девять требований.

1. Необходимость охватывать все нормативные правовые акты, то есть упорядочивать нормы в нормативном правовом акте, а этот акт должен иметь свое место среди других НПА.
2. Стремление к наиболее понятной для всех форме нормативного правового акта, который был бы удобен и логичен для его всеобщего толкования и понимания.
3. Удобство использования подвергнутого систематизации законодательства. Необходимо довести нормативный правовой акт до такого состояния, когда найти его не составит большого труда.
4. Единение всех нормативных правовых актов и правовых норм, что включает в себя выражение целостности законодательства, наличия ее определенной, общей для всех, структуры.
5. Непротиворечивость одного нормативного правового акта другому, так как систематизация законодательства и производится для того, чтобы исключить эти противоречия.
6. Подчиненность процесса систематизации определенному, заранее выработанному порядку действий, так как незапланированная систематизация может привести к возникновению различных казусов в системе законодательства.

Также необходимо официальное утверждение полностью разработанного плана.

7. Единовременное вступление систематизированных нормативных правовых актов в силу, так как система должна функционировать совместно со всеми изменениями и поправками в законодательстве.
8. Нормативное закрепление систематизации. Все, что относится к систематизации законодательства, а именно, основные критерии, по которым проводится эта операция, принципы, подготовка и порядок утверждения, должно быть урегулировано в нормативном правовом акте. (Например, Приказ Генпрокуратуры РФ от 19.04.2004 № 9 «О систематизации законодательства в органах прокуратуры»).
9. Успешное проведение систематизации. Однако следует отметить, что осуществить этот процесс без специального органа очень сложно, поэтому В.А. Сивицкий [1] настаивает на учреждении такого нового органа, занимающегося систематизацией законодательства.

Так, все выше перечисленные требования являются основами процесса систематизации, на которых и строится вся деятельность компетентных органов государства. Эти принципы объединены между собой, их реализация отдельно друг от друга считается невозможной.

Для осуществления систематизации законодательства в государстве необходимы некоторые условия, о которых сейчас мы и поговорим. В первую очередь, систематизация должна быть одобрена государственными органами, на это необходима их политическая воля. Также для проведения ряда операций все компетентные органы государственной власти должны прийти к единому мнению и согласию, иначе начинать сам процесс будет просто нелогично. Но, конечно же, необходима заинтересованность участников процесса в осуществляемом деле, пассивное отношение к работе в группе может передаться и на остальных, тогда проект не будет осуществлен в принципе. Еще одним условием является финансовое сопровождение и обеспечение, так как систематизация требует привлечения большого числа специалистов и техники.

Сравнивая систематизацию законодательства в России и во Франции, можно выделить несколько очень важных отличий:

- Термин «кодификация» во Франции имеет более широкое содержание, чем в россий-

ском праве. Он включает кодификацию в собственном смысле и кодификацию в широком смысле.

- Во Франции выделяют такие принципы кодификации: 1) полнота; 2) формальный характер и 3) непрерывность.
- Все кодексы разбиты на четыре основные группы: кодексы в 1) области экономики; 2) социальной сфере; 3) интеллектуальной сфере и 4) политической (публичной) области.

Теперь поговорим об унификации. Унификация законодательства - это процесс, заключающийся в составлении одного нормативного правового акта для отношений схожего характера. Но различие правовых форм, в которых реализовываются данные правовые нормы, не играет роли. Основной целью является приведение к единой форме нескольких нормативных правовых актов. Унификация производится независимо от этого фактора. Существует несколько принципов, без которых проведение унификации не будет возможным (см.: Лоренц Д. В. [3]).

1. Единое построение системы внутреннего содержания документа, путем предъявления единых требований к документации.
1. Необходимо сделать документ наиболее информативным, однако совершенно неуместно вносить в акт нормы, не относящиеся к конкретному виду отношений, так как их наличие помешает единообразному и верному толкованию документа.
1. Неизменность требований к составляемым нормативным правовым актам на протяжении длительного периода времени.
1. Соответствие нормативных правовых актов действующему законодательству, так как из-за их несогласованности и противоречивости унификация будет признана некачественной и будет подлежать аннулированию.
1. Четкое планирование процесса унификации на каждом ее этапе.

Стрюков Е.А. [4] относит систематизацию к формам унификации, выделяя такие из них как универсализация, интеграция и систематизация. Универсализация – это способ выработки общих предписаний на основе существующих нормативных правовых актов и норм в них. При помо-

щи этих положений формируется основа одной или нескольких отраслей права. Интеграция же относится лишь к конкретным нормативным правовым актам, которые фигурируют в сфере межправительственных отношений. Автор считает ее высшей ступенью унификации законодательства. Она может относиться и к межотраслевым отношениям, однако все равно всегда касается одного конкретного нормативного правового акта. В систематизации он выделяет два направления: устранение противоречий в НПА и обобщение нескольких актов посредством их объединения.

Стрюков Е.А. [4] делает вывод, что под понятием унификации следует понимать сложный и тщательный процесс, главной целью которого является упрощение законодательства посредством регулирования схожих явлений одним, а не несколькими способами, создания нормативных правовых актов, подходящих для всего населения государства, как компетентных, так и некомпетентных в этом вопросе лиц. Все это влияет на всю правовую сферу в целом, может оказывать определенное воздействие на законодательство и правовую информацию.

Каждый день принимается от одного до нескольких десятков различных законов, поправок к ним, постановлений, указов и др. В настоящее время в РФ действует 21 кодекс по различным отраслям права, это облегчает поиск необходимой нормы или НПА для принятия решения по какому-либо делу.

В последнее время началось создание и использование автоматизированной информационной системы (АИС). Это еще больше упрощает поиск информации, т.к. нет необходимости, например, пересматривать весь кодекс в поисках одной нормы.

Таким образом, систематизация и унификация законодательства являются неотъемлемыми частями правильного единообразного функционирования и существования права. Забота государства о гражданах не обходится без этих способов распределения нормативных правовых актов для обеспечения возможности при необходимости пользоваться актами права. Деятельность государства целиком и полностью основана на праве, а без упорядочения всех нормативных правовых актов она не может быть результативной.

Литература

1. Сивицкий, В.А. Систематизация законодательства как способ развития. М.: 2010.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. М.: 1981.
3. Лоренц Д. В. Владельческая защита в России и Европейском Союзе: вопросы унификации законодательства и формирования единообразной судебной практики [Электронный ресурс] / Д. В. Лоренц // сборник IV Междунар. науч.-прак. конф. «Государственно-правовая политика в Северо-Западном регионе» (25–26 октября 2012) / под общ. ред. К.Н. Серова, А.В. Кузьмина. СПб.: СПбГУСЭ, 2012. С. 145–150. URL: <http://www.znaniium.com/>.
4. Стрюков Е. А. Общие подходы к пониманию унификации нормативных правовых актов / Е. А. Стрюков // Юридическая наука и практика. 2014. № 2. С. 285–289.

ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА ГРАЖДАНИНА НА ИЗОБРАЖЕНИЕ

Ильютович Д. А.*

Аннотация. В статье проведен общий обзор российского законодательства в сфере охраны права гражданина на изображение, указаны некоторые проблемы и пробелы отечественного права в данном институте. В этой связи представлены мнения различных юристов и собственное мнение автора, а также российская и международная судебная практика.

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего теоретического и практического осмысления понятия права на изображение гражданина, выявления его четких признаков с целью точного и однозначного определения.

Ключевые слова: право на изображение, изображение гражданина, нематериальные блага, внешний облик.

Право гражданина на изображение – одна из самых интересных и актуальных тем гражданского права. Интерес к нему обеспечивается странным парадоксом – существует и защищается государством оно достаточно давно, однако до сих пор эта сфера крайне мало разработана и нуждается в более детальном рассмотрении и дополнении. Отсутствие официальной терминологии, расплывчатость формулировок статей, Интернет как совершенно новый способ опубликования информации – все это создает серьезные проблемы для регулирования этого правоотношения. Поэтому актуальность данной статьи заключается именно в неразвитости отечественного законодательства в плане охраны права гражданина на изображение. Целью исследования является обзор нормативно-правовых актов, а также судебной практики по данному вопросу и формулировка основных проблем, недочетов и пробелов законодательства в данной сфере, сбор и анализ мнений ученых-юристов по этому вопросу и в этой связи формирование собственной точки зрения.

Сначала необходимо собрать и систематизировать все законодательство по данной теме. Главной нормой, охраняющей право гражданина на изображение, является статья 152.1 ГК РФ¹, которая была внесена Федеральным законом № 231-

ФЗ от 18 декабря 2006 года². Эта статья заменила собой статью 514 Гражданского Кодекса РСФСР³, которая регулировала это защиту этого права вплоть до 2007 года. Согласно новой норме, обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина допускается только с его согласия. Исключениями из этой ситуации норма называет использование изображения гражданина в публичных целях (государственных, общественных и иных), опубликование изображения, полученного в «местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях», при том, что изображение именно гражданина не является основным объектом использования, а также ситуацию, когда гражданин позировал за плату. Необходимо также упомянуть Закон РФ «О средствах массовой информации», где с статье 49⁴ среди обязанностей журналиста закрепляется получение согласия на распространение в средстве массовой информации сведений о личной жизни гражданина от него самого или от его наследника. Безусловно, к сведениям о личной жизни можно отнести изображение гражданина, поэтому эта норма также важна для нас. Опять же, изъятием из

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, ст. 152.1.

² Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», ст. 17, п. 13).

³ Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г., ст. 514.

⁴ Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», ст. 49, п. 5.

* Ильютович Дмитрий Александрович, студент факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

E-mail: dmi-ilyutovich@yandex.ru

этой обязанности является защита общественных (публичных) интересов, как и в статье 152.1 ГК РФ. Косвенно ее касаются статьи 1268 (где приводится определение обнародования произведения⁵) и 1483 ГК РФ (в которой закрепляется, что основанием для отказа в регистрации товарного знака является наличие в нем имени, псевдонима, факсимиле либо, что важно для нас, портрета известного в РФ лица⁶). Имеются и другие косвенно относящиеся к данной теме нормы, о которых будет сказано ниже. Таким образом, все, что есть в законодательстве касательно защиты права гражданина на изображение – одна прямая, но слишком общая и неполная норма (ст. 152.1 ГК РФ) и несколько норм, лишь косвенно затрагивающие данную проблему, освещающая только частные случаи. Чего же конкретно не хватает законодательству? Что необходимо для закрытия «белых пятен»?

Главная проблема заключается в том, что в правовых актах нет даже определения изображения гражданина. В ст. 152.1 в числе изображений гражданина указываются лишь фотографии, видеозаписи и предметы изобразительного искусства, на которых он изображен. Этот список явно неполный и чересчур упрощенный. Точного, формально-определенного термина в законодательстве нет. В этой связи возникают недопонимания. Действительно, как защищать право на то, чего мы не можем определить? Разные юристы предлагали свои варианты решения проблемы. Так, профессор МГЮА С.П. Гришаев в своей статье «Право гражданина на изображение»⁷ предлагает отталкиваться от определения изображения из словаря С.И. Ожегова, в котором изображением называется зрительное воспроизведение чего-либо⁸. Тогда изображение гражданина – это его зрительно воспроизведение. Такая формулировка не вызывает вопросов, если речь идет о способах создания изображения, наиболее точно и четко отображающих реальность, например, фото- или видеосъемка. Вопрос же, какой предмет изобразительно-го искусства является изображением гражданина, а какой нет, остается в данном случае открытым. Другого мнения придерживается профессор А.М.

Эрделевский. Он пишет: «Изображение любого объекта – это то, что создается из образа такого объекта. Изображаемый объект может существовать лишь в воображении изобразителя (например, художник рисует героя литературного произведения исходя из того представления, которое сложилось у него об этом персонаже в результате прочтения текста), а может быть реально существующим. В случае изображения гражданина образом является его внешний облик (внешность)»⁹. Соответственно, изображение гражданина – это его вновь зрительно воспроизведенный образ. Такое понятие я считаю более широким, так как оно учитывает не только объективные особенности внешнего облика человека, но и тот субъективизм, с которым художник подходит к его изображению. Однако и эта формулировка не отвечает на ряд очень важных вопросов. В частности, есть ли какие-либо критерии изображения в юридическом смысле слова? Что может являться мерой, по которой можно судить о том, изображен на картине или фотографии конкретный гражданин, или нет?

Для ответа на этот вопрос необходимо сначала выяснить, на что направлена защита права гражданина на его изображение. В ГК РФ статья 152.1 помещена в главу 8 «Нематериальные блага и их защита»¹⁰. Значит, она защищает какой-то спектр нематериальных благ. В статье 150¹¹ приведен неполный список этих благ, из которых можно выделить достоинство личности, доброе имя, деловую репутацию как те, с которыми можно связать защиту права на изображение. Гришаев приводит еще одно нематериальное благо, на защиту которого в первую очередь и направлено право на изображение. Это индивидуальный облик – «нематериальное благо, под которым в доктрине понимается неразрывная совокупность наружных признаков человека (внешность, фигура, физические данные, одежда и т.п.), воспринимаемых в виде целого или фрагментарного образа»¹². Такого же мнения придерживается и А.М. Эрделевский, называя в числе защищаемых этой нормой благ, помимо вышесказанного, еще и тайну внешнего облика¹³. Эти определения дают ответ на постав-

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ, ст. 1268, п. 1.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ, ст. 1483, п. 9, п/п 2.

⁷ Гришаев С.П. Право гражданина на изображение // «Гражданин и право», № 9, сентябрь 2012.

⁸ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений, М.: Азбуковник, 1999. — С. 245.

⁹ Эрделевский А.М. Об охране изображения гражданина // «Законодательство», № 7, июль 2007 г.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, гл. 8.

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, ст. 150.

¹² Гришаев С.П. Право гражданина на изображение // «Гражданин и право», № 9, 2012.

¹³ Эрделевский А.М. Об охране изображения гражданина

ленный выше вопрос, поскольку в таком случае под критериями для определения изображения гражданина являются наружные признаки человека или их уникальная совокупность. Изображение гражданина, в таком случае, – зрительное отображение неразрывной совокупности наружных признаков гражданина.

Однако в этой связи возникает другой, вероятно, самый неоднозначный вопрос – является ли изображением только лишь полный набор всех внешних признаков человека, или достаточно только нескольких признаков, которых хватит, чтобы идентифицировать гражданина?

Другими словами, будет ли являться изображением гражданина карикатура или шарж на него? Или же таковым будет являться только максимально достоверное его отображение, вроде фотографии или видео? (Причем фотография даже не должна быть подвергнута ретуши).

Ответить на это вопрос сложно. Если закрепить в законодательстве определение изображения гражданина как максимально достоверное и полное его зрительное отображение, то этим сразу смогут воспользоваться недоброжелатели. Ведь в таком случае достаточно лишь изменить изображение, убрав некоторые внешние признаки (при этом оставив достаточно, чтобы было возможно безошибочное определение в изображении того или иного гражданина), и тогда в рамках закона обнародование такого изображения не нарушит ничьих прав. Это приведет к нарушению тех нематериальных благ, которые защищает право человека на изображение – достоинство личности, доброе имя, деловая репутация и особенно внешний облик и индивидуальность, не говоря уже о конституционной свободе частной жизни¹⁴. С другой стороны, закрепление в законодательстве того варианта, при котором под изображением гражданина понимается зрительное отображение каких-то отдельных его внешних признаков, приведет к произволу уже со стороны правозащитников. Это приведет к нарушению свободы творчества и развитию цензуры, поскольку для каждого человека довольно субъективен тот набор критериев, по которым он определяет сходство человека и изображения, что даст основание запретить при желании практически любое изображение. Пример такого злоупотребления правом приводит В.А. Беляев в одной из своих работ. Он вспо-

минает реакцию российской общественности на фильм «Гарри Поттер и тайная комната», а именно на персонажа фильма – эльфа Добби, который многим показался очень похожим на президента РФ Владимира Владимировича Путина. «Мнения по этому поводу высказывались самые разные, доходило и до курьезов. Так, в «Известиях» от 21 января 2003 г. сообщается, что «домашний эльф Добби... может быть привлечен к суду, поскольку, по мнению некоторых людей в России, он слишком похож на президента Владимира Путина. Недовольные полагают, что создатели спецэффектов намеренно сделали эльфа похожим на лидера России»¹⁵. Конечно, никаких оснований для этого у них не было, однако такие абсурдные ситуации могут стать возможными в случае, если изображением гражданина законодатель назовет любые, даже едва уловимые признаки гражданина, отраженные зрительно. Допустить такое было бы нарушением многих других прав граждан.

Судя по формулировкам статей, законодатель все же придерживается первой позиции и под изображением подразумевает именно полное отображение всех внешних признаков гражданина. Об этом говорит как формулировка изъятий из права (изображение, сделанное в публичном месте – скорее всего, подразумеваются «быстрые» способы создания изображения – фото- или видеосъемка), так и уточнение в самой статье, где на первое место ставится именно фотографии и видеозаписи, а уже потом предметы изобразительного искусства. Я тоже больше придерживаюсь этой точки зрения, поскольку я считаю, что публичное использование отдельных черт внешности определенных личностей – это один из приемов публицистики, и его запрет будет нарушать конституционную свободу массовой информации¹⁶. Это, если так можно выразиться, одна из издержек открытого и свободного общества, с которым приходится мириться. Что же касается рукотворных произведений искусства, то, вероятно, здесь нет другого выхода, кроме как рассматривать каждое дело индивидуально, используя комиссии экспертов и мнения судебных органов для определения факта изображения в них гражданина.

Сложности в исследовании также вызывает скудная судебная практика по этому вопросу. Одним из известных общественности разбира-

// «Законодательство», № 7, июль 2007 г.

¹⁴ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.), ст. 24, п. 1.

¹⁵ Беляев В.А. Занимательная цивилистика // «Законодательство», № 6, 2003.

¹⁶ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.), ст. 29, п. 5.

тельств, в котором фигурировало нарушение права гражданина на изображение, стало дело Анто-на и Ларисы Агеевых. Обвинение было выдвинуто против супругов Агеевых за умышленное причинение легкого вреда здоровью своему приемному сыну Глебу Агееву. Вследствие повышенного интереса вокруг этой ситуации изображения супругов Агеевых и их приемных детей были неоднократно использованы в нескольких телевизионных программах и других медиаисточниках без их ведома, что как раз является случаем, попадающих под юрисдикцию статьи 152.1 ГК РФ. Дело было доведено до Европейского суда по правам человека, который встал на сторону супругов в вопросе публикации их изображений. В частности, суд признал юрисдикцию статьи 152.1 и смежных статей ГК РФ¹⁷ в данной ситуации и обязал компанию, опубликовавшую фотографии и другую информацию, порочащую честь и достоинство семьи Агеевых, выплатить штраф за моральный ущерб¹⁸. Об этом можно судить, учитывая, что компенсация морального вреда может быть назначена вследствие нарушения прав главы 8 ГК РФ¹⁹, к которым в деле относится, помимо прочего, право на изображение. Решение ЕСПЧ по этому вопросу выглядит так:

«На основании изложенного Суд единогласно:

...

7) постановил, что имело место нарушение требований статьи 8 Конвенции в отношении второй заявительницы в части предполагаемого уклонения государства-ответчика от защиты права заявительницы на уважение репутации в разбирательстве против ООО «Ньюс Медиа-Рус»²⁰.

Это решение подтверждает юрисдикцию статьи 152.1 и смежных статей ГК РФ по отношению к данной ситуации и ссылается на восьмую статью²¹ Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в которой нет речи об обнародовании изображения человека, но это косвенно подразумевается как способ посягательства на право

уважения его личной и семейной жизни. Это дает основание для ее использования и признания виновности компании по отношению к семье Агеевых. Таким образом, можно сделать вывод о регулировании этого права и в международных актах.

Еще одной проблемой охраны права на изображение является сеть Интернет. Это принципиально новый способ обнародования информации, в том числе и изображений граждан, поэтому в его отношении возникают сложности. Особенно интересны этапы формирования единого мнения судов по вопросу социальных сетей – является ли публикация изображения на собственной странице в социальной сети актом разрешения гражданина на использование этого изображения другими лицами? Так, Московский городской суд в 2012 году установил, что «разместив указанную фотографию на сайте в открытом для неопределенного круга лиц доступе, истец фактически своими действиями выразил добровольное волеизъявление на обнародование своего изображения, его обсуждение, дачи пользователями сайта своих оценок фотографиям истца»²². Однако позже в другом деле Мосгорсуд пришел к обратному выводу, что даже наличие изображения в свободном доступе на страницах социальных сетей гражданина, его использование возможно только с согласия этого гражданина²³. Это же решение было закреплено уже в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ в 2015 г.: «За исключением случаев, предусмотренных подпунктами 1-3 пункта 1 статьи 152.1 ГК РФ, обнародование изображения гражданина, в том числе размещение его самим гражданином в сети «Интернет», и общедоступность такого изображения сами по себе не дают иным лицам права на свободное использование такого изображения без получения согласия изображенного лица»²⁴. Таким образом, только к 2015 году суды пришли к единому выводу по отношению защиты изображений, опубликованных в сети Интернет самими гражданами, что говорит о том, что законодательство в этой сфере только разрабатывается, оно не полное и все еще требует множества доработок.

Вопросы также вызывают подпункты статьи 152.1, в которых закрепляются случаи, когда со-

¹⁷ Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 апреля 2013 г. Дело «Агеевы (Ageyevy) против Российской Федерации» (жалоба № 7075/10) (Первая Секция), п.п. 205, 206, 210.

¹⁸ Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 апреля 2013 г. Дело «Агеевы (Ageyevy) против Российской Федерации» (жалоба № 7075/10) (Первая Секция), п. 243.

¹⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, ст. 150.

²⁰ Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 апреля 2013 г. Дело «Агеевы (Ageyevy) против Российской Федерации» (жалоба № 7075/10) (Первая Секция).

²¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005, ст. 8

²² Апелляционное определение Московского городского суда от 30.03.2012 по делу № 11-2538.

²³ Апелляционное определение Московского городского суда от 28.03.2014 по делу № 33-10144.

²⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», п. 43.

гласие гражданина на обнародование и использование своего изображения не требуется. Первый из них гласит, что согласие гражданина на обнародование его изображения не требуется в случае, если оно происходит в государственных, общественных и иных публичных интересах. Это исключение в первую очередь направлено на изображения должностных лиц, сотрудников органов власти. Также оно дает полномочия обнародовать изображения правонарушителей для информирования населения без последствий для правоохранительных органов. Тем не менее, полный круг случаев, которые входят в понятие «публичный интерес» в законодательстве также нет, что опять вносит с эту сферу неопределенность.

Второе исключение – изображение гражданина в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях, кроме тех изображений, где изображение самого гражданина является основным объектом использования. Опять неопределенность – что можно называть местом, открытым для свободного посещения? Является ли оно тождественным общественному месту? Напрямую в законодательстве нет определения общественного места, однако это понятие употребляется. В КоАП РФ статья 20.20 звучит как «Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах»²⁵. В качестве примера общественных мест в ней называют улицы, стадионы, скверы, парки, транспортные средства общего пользования. Также эта статья отсылает нас в Федеральному закону «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». В статье 16 этого закона²⁶ можно найти перечень мест, где распитие алкоголя запрещено. Эти места не названы в законе общественными местами или местами, открытыми для свободного посещения, однако они во многом совпадают со списком из статьи 20.20 КоАП, что позволяет сделать вывод, что эти места входят в понятие общественных. От-

сюда следует, что изображение гражданина, сделанное во всех названных в статье 20.20 и статье 16 данного закона местах, может быть обнародовано без его согласия. Другая часть исключения говорит нам о публичных мероприятиях. Если их отделили от общественных мест, то, вероятно, речь идет о закрытых для всеобщего посещения местах, в которых на момент создания изображения проводятся публичные мероприятия, то есть мероприятия, открытые для посещения любому желающему. В качестве примера приводятся конференции, съезды, концерты и т.д. Отсюда следует и обратный вывод – изображение гражданина, сделанное в общественном месте при проведении на его территории закрытого мероприятия, не может быть обнародовано без его согласия. Не зря законодатель использовал именно термин «место, открытое для свободного посещения» вместо «общественное место», между ними есть серьезное отличие, которое и позволяет вывести вышесказанный вывод. Другим нюансом этого исключения является условие его действия – изображение гражданина не должно быть основным объектом использования. Определение того, когда изображение гражданина не является таковым, можно найти в одном из апелляционных определений Мосгорсуда, по которому изображение места будет основным объектом использования, если «используемое изображение служит иллюстрацией для репортажа о проведенном публичном мероприятии, на котором было сделано изображение, при этом не должно акцентироваться внимание воспринимающих информацию третьих лиц именно на изображении гражданина, то есть на изображении должны присутствовать и другие лица или объекты, которые были на данном мероприятии»²⁷. То есть изображение гражданина не должно превалировать в общей композиции изображения и не акцентировать на себе внимание, являясь лишь частью общего изображения места или мероприятия.

Последнее исключение – случай, когда гражданин позировал за плату. Единственным спорным моментом здесь может стать разграничение моментов, когда происходит именно позирование, и моментов, когда позирование закончено. Например, модель принимает участие в фотосессии. После позирования она отходит в сторону, чтобы отдохнуть, и в этот момент ее сфотографировали. Может ли это изображение быть опубликовано

²⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ, ст. 20.20.

²⁶ Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», ст. 16, п. 2.

²⁷ Апелляционное определение Московского городского суда от 08.02.2013 по делу № 11-1434.

без ее согласия? По логике этой нормы, скорее всего нельзя, поскольку факта позирования нет. Однако эта ситуация все-таки спорна, ведь трудовой функцией некоторых профессий (модели, натурщики и т.д.) является именно позирование, и все время их рабочего дня может быть расценено как позирование, следовательно, любые их изображения на рабочем месте в рабочее время в таком случае могут быть опубликованы без их согласия. Этой точкой зрения могут воспользоваться работодатели, однако я с ней не согласен. Необходим именно факт позирования, то есть гражданин должен занять специально предназначенную для фиксирования позу. Тем не менее,

ни одна из указанных точек зрения не закреплена в законодательстве, что опять создает трудности регулирования данной сферы.

Таким образом, можно сделать вывод, что законодательство в области защиты права гражданина на изображение все еще не полное и требует серьезных доработок. Помимо вышеуказанных проблем с терминологией и особенностями изъятий из права, существуют и многие другие пробелы, такие как, например, отсутствие общей формы разрешения гражданина на публикацию своего изображения, или соотношение права на изображение и авторского права, и все они требуют регулирования в нормах права.

Литература

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.02.2013 по делу № 11-1434.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 28.03.2014 по делу № 33-10144.
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.03.2012 по делу № 11-2538.
4. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР, 1964, № 24, ст. 407.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 28.11.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.
7. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 13.07.2015) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015) // Российская газета, № 32, 08.02.1992.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.11.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
10. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства Российской Федерации, 08.01.2001, № 2, ст. 163.
11. Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 апреля 2013 г. Дело «Агеевы (Ageyevy) против Российской Федерации» (жалоба № 7075/10) (Первая Секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2014, № 1.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2015.
13. Федеральный закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5497.
14. Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // Собрание законодательства Российской Федерации, 27.11.1995, № 48, ст. 4553.
15. Беляев В.А. Занимательная цивилистика // Законодательство, № 6, 7, июнь, июль 2003.
16. Гришаев С.П. Право гражданина на изображение // Гражданин и право, № 9, сентябрь 2012.
17. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с. ISBN 5-89285-003-X.
18. Эрделевский А.М. Об охране изображения гражданина // Законодательство, № 7, июль 2007 г.

LINGUISTIC SUPPORT OF LEGAL REGULATION OF INFORMATION RELATIONS IN THE INFOSPHERE III. “INFORMATION WEAPON”

Dmitrii Lovtsov, Doctor of Science in Technology, Professor, Deputy Director General for Research of Lebedev Institute of Precision Mechanics and Computer Engineering of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of the Russian State University of Justice, Honoured Scientist of the Russian Federation, Russian Federation, Moscow.
E-mail: dal-1206@mail.ru

Abstract.

Purpose of the paper: improving the scientific and methodical base of the information technology law theory in the field of justification for linguistic support of legal regulation systems (legal ergasystems).

Method used: analysis of a legal ergasystem structure, conceptual and logical modelling of the consciousness (personality) of an information actor in the information sphere, classification of types of “information weapons”.

Results: on the basis of an analysis of the information and cybernetics contour of legal regulation, functional and logical organisation of legal consciousness as a self-organising, latent, and fragile link transmitting strictly determined legal prescriptions onto regulated legal relationships, forms of its distortion under the impact of “information weapons”, and the conceptual and logical modelling of the consciousness (personality) of an information actor as the main object of information impact, the basic types of “information weapons” are identified and defined, such as the mass media and means of agitation and propaganda, psychotronic means, electronic means (radioelectronic, optoelectronic, and computer means), linguistic means, psychotropic means. Applied opportunities of these definitions are shown.

A well-founded structural and phenomenological model of personality (consciousness) of an information actor includes four main components: spiritual, psychic, physical, and rational which, in turn, as a spiritual-cum-psychophysical apparatus includes such components as Ego, Super-Ego, Id, Intra-Id which are the objects directly impacted by corresponding types of “information weapons”.

The productive classification of possible types of “information weapons” (carried out in respect of the main object of impact) allows to define it, considering the hierarchy of levels in the public administration system, as an aggregate of special means, technologies, information and disinformation used for exerting destructive impact on the mentality of the population (the staff of ergasystems) as well as the information and technical infrastructure of a country.

Keywords: *legal regulation, information actor, legal consciousness, consciousness, model, information impact, information weapon, mass media, psychotronic means, electronic means, linguistic means, psychotropic means, information value.*

References

1. Lovtsov D. A. Sistemologiya pravovogo regulirovaniia informatsionnykh otnoshenii v infosfere: arkhitektura i sostoianie, Gosudarstvo i pravo, 2012, No. 8, pp. 16–25.
2. Lovtsov D. A. Lingvisticheskoe obespechenie pravovogo regulirovaniia informatsionnykh otnoshenii v infosfere, Informatsionnoe pravo, 2015, No. 2, pp. 8–13.
3. Ershov V. V., Mikhalkin N. V. Sudebnaia vlast' i ee formy kak faktor natsional'noi bezopasnosti, Zakon i pravo, 2002, No. 7, pp. 7–13.
4. Morozova L. A. Teoriia gosudarstva i prava, M.: Eksmo, 2005, 448 pp.
5. Teoriia gosudarstva i prava, pod red. V. M. Korel'skogo, V. D. Perevalova, M.: Norma, 2002, 616 pp.
6. Lovtsov D. A., Sergeev N. A. Upravlenie bezopasnost'iu ergasistem, pod red. D. A. Lovtsova, M.: RAU – Universitet, 2001, 224 c.

7. Teorii lichnosti v zapadnoevropeiskoi i amerikanskoi psikhologii, redaktor-sostavitel' D. Ia. Raigorodskii, Samara: "Bakhrakh", 1996.
8. Kh'ell L., Zigder D. Teorii lichnosti, SPb.: Piter Press, 1997.
9. Darel Sh. Psikhologicheskie tipy. lungovskaia tipologicheskai model', SPb.: B.S.K., 1996.
10. Zelenskii V.V. Analiticheskai psikhologii: Slovar', SPb.: B.S.K., 1996.
11. Freid Z. Po tu storonu printsipa udovol'stviia, M.: Progress, 1992.
12. lung K. G. Arkhetip i simvol, M.: Renessans, 1991.
13. Lovtsov D. A. Informatsionnaia teoriia ergasistem: Tezaurus, M.: Nauka, 2005, 248 c.
14. Lovtsov D. A. Problema obespecheniia informatsionnoi bezopasnosti Rossii, Obozrevatel'-Observer, 1999, No. 2, pp. 44–50.
15. Lovtsov D. A. "Organizatsionnoe oruzhie" v sovremennom mire, Obozrevatel'-Observer, 2000, No. 6, pp. 40–42.
16. Doktrina informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii, utv. Ukazom Prezidenta RF ot 9 sentiabria 2000 g. No. Pr-1895, Rossiiskaia gazeta, 2000, 28 sent.

CONTRACT AS AN INTER-BRANCH CATEGORY

Elena Kozlova, Doctor of Science in Law, Associate Professor, Research Centre Director, Professor at the Department of Company Law, Civil and Arbitration Process of the All-Russian State University of Justice (The Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Russian Federation, Moscow.
E-mail: kozlova@urexpert.ru

Abstract.

The issue of using the term "contract" by branches of law different from civil law is examined in the paper.

Issues of current development of the theory of administrative contract, its concept and attributes, as well as of the theory of procedural contract are considered. The concept of international treaty and the question of placing it in the category of public law contracts are examined. The legal nature of contracts used in the sphere of tax relationships is expounded. The use of the category "contract" in regulating labour relationships is considered, in particular, for the normative entrenchment of labour and collective contracts.

A general conclusion is made that the contract constructions under consideration don't fall within the scope of civil law, and the contract as a legal category has moved beyond the limits of civil law and became cross-cutting (inter-branch) in nature.

Keywords: *contract as an inter-branch category, civil law contract, administrative contract, procedural contract, international treaty, labour contract, public law contract.*

References

1. Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik, M.: IKD "Zertsalo-M", 2013.
2. Anurov V.N. Treteiskoe soglasenie: monografiia, M.: Prospekt, 2009.
3. Bakhrakh D. N. Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik, M.: Eksmo, 2011.
4. Bratanovskii S.N. Administrativnoe pravo. Uchebnik, M.: Direkt-Media, 2013, dostup iz SPS Konsul'tantPlius.
5. Vaipan V.A. Istochniki predprinimatel'skogo prava: teoriia i praktika, Pravo i ekonomika, 2015, No. 10, dostup iz SPS Konsul'tantPlius.
6. Veselkova E.E. Mezhdunarodnye dogovory Rossiiskoi Federatsii v oblasti inostrannykh investitsii, Zakonodatel'stvo i ekonomika, 2015, No. 11, dostup iz SPS Konsul'tantPlius.
7. Gritskova Iu. V. Pravovoe regulirovanie predostavleniia i iz»iatiia zemel'nykh uchastkov v tseliakh razvitiia zastroennykh territorii: dis. ... kand. iurid. nauk, M., 2009.
8. Demin A. V. Obshchie voprosy teorii administrativnogo dogovora, Krasnoiar. gos. un-t, 1998.
9. Doronina N.G., Semiliutina N.G. Informatsionnye tekhnologii i ekonomicheskie otnosheniia: problemy mezhdunarodno-dogovornoj unifikatsii prava v EAES, Zhurnal rossiiskogo prava, 2015, No. 11, dostup iz SPS Konsul'tantPlius.
10. Eliseev N.G. Protsessual'nyi dogovor, M.: Statut, 2015.
11. Eremin S.G. Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie aspekty sodержaniia i funktsional'nogo znacheniiia normativnogo pravovogo dogovora kak istochnika prava, Rossiiskaia iustitsiia, 2013, No. 1, dostup iz SPS Konsul'tantPlius.

12. Zaikin S.S. Soglasheniia politicheskikh partii kak raznovidnost' publichno-pravovykh dogovorov, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2013, No. 2, dostup iz SPS Konsul'tantPlius.
13. Ivanov V. V. Obshchaia teoriia dogovora, M.: Iurist», 2006.
14. Ioffe O.S. Izbrannye trudy: v 4 t., t. III. Obiazatel'stvennoe pravo, SPb.: Izdatel'stvo "Iuridicheskii tsentr Press", 2004.
15. Kazantsev M.F. Iuridicheskaiia priroda dogovorov, ispol'zuemykh v sfere nalogovykh otnoshenii, *Iurist*, 2007, No. 11, dostup iz SPS Konsul'tantPlius.
16. Kozlova E.B. Grazhdansko-pravovye dogovory po otraslevoi prinadlezhnosti reguliruiushchikh ikh norm, *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii*, 2011, No. 1.
17. Kozlova E.B. Sistema dogovorov, napravlenykh na sozdanie ob»ektov nedvizhimosti, M.: Kontrakt, 2013.
18. Kolokol'tsev A. N. Administrativnyi dogovor kak pravovaia forma upravleniia, *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2008, No. 5.
19. Korenev A. P., Abdurakhmanov A. A. Administrativnye dogovory: poniatie i vidy, *Zhurnal rossiiskogo prava*, 1998, No. 7.
20. Krasavchikov O.A. Kategorii nauki grazhdanskogo prava, *Izbrannye trudy: v 2 t., t. 2*, M.: Statut, 2005.
21. Kurchevskaia S.V. Administrativnyi dogovor: formirovanie sovremennoi teorii i osnovnye problemy: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk, M., 2002.
22. Luk'ianenko G. V. Administrativno-pravovaia priroda dogovora o razvitii zastroyennoi territorii, *Pravovaia politika i pravovaia zhizn'*, 2011, No. 2.
23. Melekhova A. Iu. Vidy administrativnykh dogovorov, *Administrativnoe pravo i protsess*, 2012, No. 1.
24. Miasin A.A. Normativnyi dogovor kak istochnik prava: avtoref. diss. kand. iurid. nauk, Saratov, 2003, Biblioteka dissertatsii, URL: <http://www.dslib.net/teoria-prava/normativnyj-dogovor-kak-istochnik-prava.html> (dostup 04.01.2016).
25. Novoselov V. I. K voprosu ob administrativnykh dogovorakh, *Pravovedenie*. 1969, No. 3.
26. Ostapenko I. A. O poniatii "administrativnyi dogovor", *My i pravo*, 2011, No. 3(12).
27. Pokrovskii B. V. Dogovor v narodnom khoziaistve, Alma-Ata : Nauka, 1987.
28. Porotikov D.A. Pravovaia priroda nalogovykh soglashenii, *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal*, 2004, No. 4, dostup iz SPS Konsul'tantPlius.
29. Rikhter I., Shuppert G. F. Sudebnaia praktika po administrativnomu pravu, M., 2000.
30. Rozhkova M.A. K voprosu o pravovoi prirode arbitrazhnykh soglashenii, dostup iz SPS Konsul'tantPlius.
31. Rozhkova M.A., Eliseev N.G., Skvortsov O.Iu. Dogovornoe pravo: soglasenie o podsudnosti, mezhdunarodnoi podsudnosti, primiritel'noi protsedure, arbitrazhnoe (treteiskoe) i mirovoe soglasenie, M.: Statut, 2008, dostup iz SPS Konsul'tantPlius.
32. Rossinskii B. V., Starilov Iu. N. Administrativnoe pravo: uchebnik, 4-e izd., peresmotr.i dop., M. : Norma, 2009.
33. Savostin A. A. Administrativnye dogovory i ikh realizatsiia v sfere publichnogo upravleniia, *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2008, No. 1, dostup iz SPS Konsul'tantPlius.
34. Safiullina D.R. Mezhotraslevye svyazi dogovornogo prava: dis. ... kand. iurid. nauk, Kazan', 2015.
35. Safonov V.A. Kollektivnye dogovory kak pravovye akty sotsial'nogo partnerstva, *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2015, No. 2, dostup iz SPS Konsul'tantPlius.
36. Sindeeva I. Iu. Sootnoshenie chastnogo i publichnogo v administrativnom dogovore, *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2009, No. 5, dostup iz SPS Konsul'tantPlius.
37. Sindeeva I.Iu. Peredacha gosudarstvennogo i munitsipal'nogo imushchestva v khoziaistvennoe vedenie i operativnoe upravlenie kak osobyi vid administrativnogo dogovora, *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2013, No. 2, dostup iz SPS Konsul'tantPlius.
38. Soifer V.G. K voprosu o meste trudovogo dogovora v grazhdanskom obshchestve, *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2012, No. 6.
39. Starilov Iu. N. Administrativnyi dogovor: opyt zakonodatel'nogo regulirovaniia v Germanii, *Gosudarstvo i pravo*, 1996, No. 12.
40. Tedeev A.A., Parygina V.A. Nalogovyi kredit i nalogovyi investitsionnyi kredit v Rossiiskoi Federatsii, *Advokat*, 2007, No. 2, dostup iz SPS Konsul'tantPlius.
41. Filiptsova N.A. Pravovaia priroda kollektivnogo dogovora, *Sovremennoe pravo*, 2015, No. 2, dostup iz SPS Konsul'tantPlius.
42. Khavanova I.A. Mezhdunarodnye dogovory Rossii ob izbezhanii dvojnogo nalogooblozheniia i osobennosti ikh tolkovaniia, *Finansovoe pravo*, 2015, No. 10, dostup iz SPS Konsul'tantPlius.
43. Khangel'dyev B. B. Administrativno-pravovye soglasheniia v mekhanizme sochetaniia otraslevogo i territorial'nogo upravleniia, *Trudy Vsesoiuznogo nauchno-issledovatel'skogo instituta sovetskogo zakonodatel'stva*, 1988, vyp. 42.
44. Khodakovskii K. V. Tsel' administrativnogo dogovora, *Administrativnoe pravo i protsess*, 2010, No. 4.
45. Khokhlov V.A. Obshchie polozheniia ob obiazatel'stvakh: uchebnoe posobie, M.: Statut, 2015.
46. Tsvaigert K., Ketts Kh. Sravnitel'noe chastnoe pravo: v 2-kh tt., tom I. Osnovy, M.: Mezhdunar. otnosheniia, 2010.
47. Shelestov V. S. Povyshenie kachestva produktsii promyshlennykh predpriatii, *Sov. gos-vo i pravo*, 1972, No. 5.
48. Shershenevich G.F. Obshchaia teoriia dogovora, failovyi arkhiv dlia studentov, URL: <http://www.studfiles.ru/>

49. Shorokhov S. V. Kontsessionnoe soglasenie kak forma publichnogo upravleniia: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. iurid. nauk, M., 2009.
50. Iusupov V. A. Pravoprimeritel'naia deiatel'nost' organov gosudarstvennogo upravleniia, M., 1973.
51. Iampol'skaia Ts. A. O teorii administrativnogo dogovora, Sovetskoe gosudarstvo i pravo, 1966, No. 10.

CONTENTS OF THE PROGRAMME AND PROCEDURES FOR CONDUCTING CERTIFICATION TESTING OF INFORMATION SYSTEMS FOR COMPLIANCE WITH INFORMATION SECURITY REQUIREMENTS

*Sergei Makeev, Group Leader at the Certification Department of ZAO (CJSC) "NPO Echelon", Russian Federation, Moscow.
E-mail: s.makeev@npo-echelon.ru*

Abstract. *The paper is devoted to issues of evaluating the compliance of information systems with information security requirements. A brief overview of the legislative and normative legal framework for informatisation objects certification for compliance with information security requirements is given. An analysis of the specific features of developing the programme and procedures for conducting certification testing of information systems for compliance with information security requirements is carried out. An approach to forming the certification testing procedures which takes into account the requirements imposed by today's laws in the field of information protection is put forward.*

Keywords: *efficiency evaluation, information protection system, protection quality control, information protection measures, threats.*

References

1. Markov A., Tsirlov V. Sertifikatsiia programm: mify i real'nost', Otkrytye sistemy. SUBD, 2011, No. 6, pp. 26–29.
2. Markov A.S. Otsenka sootvetstviia sredstv zashchity informatsii trebovaniim po bezopasnosti informatsii: smena paradigmy, v sbornike: Informatsionnye tekhnologii i sistemy. Trudy Chetvertoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, otvetstvennye redaktory: Iu.S. Popkov, A.V. Mel'nikov, 2015, pp. 134–136.
3. Kuznetsov A.V., Irzhavskii A.A., Zakharchenko A.N. Metodika otsenki stepeni zashchishchennosti informatsii v avtomatizirovannykh informatsionnykh sistemakh, Naukoemkie tekhnologii, 2011, t. 12, No. 8, pp. 43–47.
4. Makeev S.A. Problemnye voprosy attestatsii informatsionnykh sistem na sootvetstvie trebovaniim bezopasnosti informatsii, Zashchita informatsii. Insaid, 2015, No. 4 (64), pp. 14–18.
5. Mironov A.S. Aspekty i problemy pri podgotovke i provedenii attestatsii ob»ekta informatizatsii predpriatiia na sootvetstvie trebovaniim informatsionnoi bezopasnosti, Bezopasnost' regionov – osnova ustoychivogo razvitiia, 2012, t. 1–2, pp. 104–106.
6. Veriaev A.S., Fadin A.A. Formalizatsiia trebovanii bezopasnosti informatsii k sredstvam analiza zashchishchennosti, Voprosy kiberbezopasnosti, 2015, No. 4 (12), pp. 23–27.
7. Zubarev I.V., Radin P.K. Osnovnye ugrozy bezopasnosti informatsii v virtual'nykh sredakh i oblachnykh platformakh, Voprosy kiberbezopasnosti, 2014, No. 2 (3), pp. 40–45.
8. Iudichev R.M., Goriunov M.N. Otsenka i ranzhirovanie funktsional'nykh vozmozhnostei sredstv zashchity sredy virtualizatsii, Avtomatizatsiia i upravlenie v tekhnicheskikh sistemakh, 2015, No. 1 (13), pp. 92–100.
9. Barabanov A.V., Markov A.S., Tsirlov V.L., Korsunskii A.S. Inspektzionnyi kontrol' za stabil'nost'iu kharakteristik sertifitsirovannykh sredstv zashchity informatsii, Avtomatizatsiia protsessov upravleniia, 2012, No. 1, pp. 10–14.
10. Iazov Iu.K., Mashin O.A., Platonov B.F. K voprosu ob otsenke effektivnosti vyborochnogo kontrolya zashchishchennosti informatsii v informatsionnykh sistemakh ot nesanktsionirovannogo dostupa, Voprosy kiberbezopasnosti, 2015, No. 3 (11), pp. 15–22.
11. Barabanov V., Markov A.S., Tsirlov V.L. Metodicheskii apparat otsenki sootvetstviia avtomatizirovannykh sistem trebovaniim bezopasnosti informatsii, Spetstekhnika i sviaz', 2011, No. 3, pp. 48–52.
12. Kazarin O.V., Kondakov S.E., Troitskii I.I. Podkhody k kolichestvennoi otsenke zashchishchennosti resursov

- avtomatizirovannykh sistem, Voprosy kiberbezopasnosti, 2015, No. 2 (10), pp. 31–35.
13. Chobanian V.A., Shakhlov I.Iu. Analiz i sintez trebovaniy k sistemam bezopasnosti ob»ektov kriticheskoi informatsionnoi infrastruktury, Voprosy kiberbezopasnosti, 2013, No. 1 (1), pp. 17–27.
 14. Barabanov A. Instrumental'nye sredstva provedeniia ispytaniy sistem po trebovaniyam bezopasnosti informatsii, Zashchita informatsii. In said, 2011, No. 1 (37), pp. 49–51.
 15. Fedichev A.V., Artamoshin S.A. Sistematizatsiia vidov otnoshenii i otvetstvennosti pri poluchenii dostupa k informatsii, Voprosy kiberbezopasnosti, 2014, No. 2 (3), pp. 51–59.
 16. Khorev A.A. Ugrozy bezopasnosti informatsii, Spetsial'naia tekhnika, 2010, No. 1, pp. 50–63.
 17. Sheremet I.A. Ugrozy tekhnosfere Rossii i protivodeistvie im v sovremennykh usloviyakh, Vestnik akademii voennykh nauk, 2014, No. 1 (46), pp. 27–34.
 18. Markov A.S., Fadin A.A. Sistematika uizvimostei i defektov bezopasnosti programmnykh resursov, Zashchita informatsii. In said, 2013, No. 3 (51), pp. 56–61.
 19. Nesterovskii I.P., Iazov Iu.K. Vozmozhnyi podkhod k otsenke ushcherba ot realizatsii ugroz bezopasnosti informatsii, obrabatyvaemoi v gosudarstvennykh informatsionnykh sistemakh, Voprosy kiberbezopasnosti, 2015, No. 2 (10), pp. 20–25.

TOPICAL ISSUES OF PENSION PROVISION FOR ACTIVE AND RETIRED EMPLOYEES IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION MEMBER STATES

Samat Aliev, Doctor of Science in Technology, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Deputy Director of the Entrepreneurship Development Department of the Eurasian Economic Commission, Russian Federation, Moscow.
E-mail: aliev@eecommission.org

Abstract. *The paper is devoted to topical issues of legal regulation of existing systems of pension provision for active and retired employees in the Eurasian Economic Union (EEU) member states. Problematic issues arising due to the transfer and preservation of pension rights for the EEU member states citizens who carry out their labour activities and migrate between EEU member states are considered. A justification for the need to develop an international treaty regulating the issues of pension provision for active and retired employees in the EEU member states is presented.*

Keywords: *state, treaty, Eurasian Economic Union, integration, pension system, legal framework, development, regulation, labour market, labour activities, economy.*

References

1. Zakon Respubliki Armeniia "O gosudarstvennykh pensiiakh" ot 22 dekabria 2010 goda.
2. Zakon Respubliki Belarus "O pensionnom obespechenii" ot 17 apreliia 1992 g. No. 1596-XII.
3. Ukaz Prezidenta Respubliki Belarus' ot 03 sentiabria 2013 g. No. 389 "O nekotorykh voprosakh pensionnogo obespecheniia i sotsial'nogo strakhovaniia".
4. Ukaz Prezidenta Respubliki Belarus' ot 08 dekabria 2014 g. No. 570 "O sovershenstvovaniy pensionnogo obespecheniia".
5. Zakon Respubliki Kazakhstan "O pensionnom obespechenii v Respublike Kazakhstan" ot 21 iyunia 2013 goda No. 105.
6. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan "Ob utverzhdenii perechnia proizvodstv, rabot, professii rabotnikov, v pol'zu kotorykh vkladchikami obiazatel'nykh professional'nykh pensionnykh vnosov za schet sobstvennykh sredstv osushchestvliaiutsia obiazatel'nye professional'nye pensionnye vnosy" ot 31 dekabria 2013 g. No. 1562.
7. Zakon Kyrgyzskoi Respubliki "Ob investirovaniy sredstv dlia finansirovaniia nakopitel'noi chasti pensii po gosudarstvennomu sotsial'nomu strakhovaniiu v Kyrgyzskoi Respublike" ot 4 iul'ia 2011 g. No. 78.
8. Zakon Kyrgyzskoi Respubliki "O tarifakh strakhovykh vnosov po gosudarstvennomu sotsial'nomu strakhovaniiu" ot 24 ianvaria 2004 goda No. 8.
9. Federal'nyi zakon "O strakhovykh pensiiakh" ot 28 dekabria 2013 g. No. 400-FZ.

10. Federal'nyi zakon "O nakopitel'noi pensii" ot 28 dekabria 2013 g. No. 424-FZ.
11. Reshenie Soveta Komissii "Kontseptsiiia proekta mezhdunarodnogo dogovora o sotrudnichestve v oblasti pensionnogo obespecheniia" ot 12 noiabria 2014 g. No.103.
12. Soglashenie gosudarstv-uchastnikov SNG "O garantiakh prav grazhdan gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv v oblasti pensionnogo obespecheniia" ot 13 marta 1992 goda.

ADVERTISING EXTRAVAGANZA: CONDUCTING PRACTICAL CLASSES USING INFORMATION TECHNOLOGY

Zhanna Ivanova, Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the Law Faculty of the Academy of Public Service and Administration of the Komi Republic, Ph.D. in Law, Russian Federation, Syktyvkar.

E-mail: mgb-pravo@yandex.ru

Ekaterina Nechaeva, Researcher at the Federal State-Funded Educational Institution for Higher Vocational Education "Pitirim Sorokin Syktyvkar State University", Russian Federation, Syktyvkar.

E-mail: ne4a.ekaterina@yandex.ru

Abstract. The authors of the paper consider innovation mechanisms of conducting practical classes on the topic "Legal framework for regulation of advertising activities" using multimedia. Advertising surrounds us everywhere: advertising banners, stands, posters, TV and radio advertising, advertisements in magazines and newspapers. Advertising is a most powerful psychological tool, in fact, it's advertising that to a certain extent shapes demand and supply, man's needs and wishes. In order that the students should be able to gain an understanding of the essence, forms and types of advertising, they are offered to pass a game that allows them not only to thoroughly master advertising concepts, but also to learn to identify drawbacks and shortcomings in advertising as well as to distinguish between fair and unfair advertising.

A well-organised man-computer interaction in education allows to make the learning process more efficient. A most clear manifestation of this interaction can be observed during interactive classes using multimedia training technology.

Keywords: multimedia installation, interactive game, advertising, information technology, students, creative approach, "Legal framework for regulation of advertising activities", innovative mechanisms for conducting practical classes.

References

1. Morozov A.V., Poliakova T.A. Podgotovka aspirantov po spetsial'nosti "Informatsionnoe pravo", Informatsionnoe pravo, No. 2, 2014, p. 19.
2. Lopatin V.N. Problemy i perspektivy kodifikatsii zakonodatel'stva v sfere informatsionnogo prava i intellektual'noi sobstvennosti, Informatsionnoe pravo, No. 3, 2014, p. 27.
3. Zhukova T.V. Ispol'zovanie programmnykh sredstv sovremennykh informatsionnykh tekhnologii v podgotovke i provedenii lektsii i prakticheskikh zaniatii po distsipline "Ugolovnyi protsess", Ispol'zovanie interaktivnykh metodov v prepodavanii iuridicheskikh distsiplin, M., 2006, p. 122.
4. Lopatin V.N. Ob obrazovatel'nykh standartakh po napravleniiu "Intellektual'naia sobstvennost'", Pravo intellektual'noi sobstvennosti, No. 1, 2012, pp. 18–23.
5. Plotskaia O.A. Ispol'zovanie informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii v protsesse poznaniia istochnikov prava, O.A. Plotskaia, Zh.B. Ivanova, Informatizatsiia obshchestva: sotsial'no-ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i mezhdunarodnye aspekty: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 15-16 ianvaria 2011, Penza–Praga: Nauchno-izdatel'skii tsentr "Sotsiosfera", 2012, pp. 35–37.
6. Valetdinova E.N. Intellektual'naia sobstvennost' kak ob'ekt upravleniia innovatsionnym razvitiem predpriiatiia na osnove sistemnogo podkhoda, Pravo intellektual'noi sobstvennosti, No. 6, 2013, pp. 12–13.
7. Belozorova E.N., Kondratenko I.P. Tekhnologichnaia ekonomika ili budushchee za intellektual'noi sobstvennost'iu, Pravo intellektual'noi sobstvennosti, No. 5, 2014, p. 8.

8. Lopatin V.N. Upravlenie riskami pri investirovanii innovatsionnogo razvitiia v ramkakh klasternoi politiki ili kak izbezhat' imitatsii, *Pravo intellektual'noi sobstvennosti*, No. 1, 2014, p. 10.
9. Leanovich E.B. Mezhdunarodnaia okhrana intellektual'noi sobstvennosti kak uchebnaia distsiplina v Respublike Belarus', *Pravo intellektual'noi sobstvennosti*, No. 3, 2011, pp. 25–26.
10. Rustikova G.S., Briukhanov N.N. Innovatsionnye podkhody v prepodavanii distsipliny "Informatsionnoe pravo", *Informatsionnoe pravo*, No. 2, 2014, p. 8.

LEGAL FICTIONS IN INFORMATION TECHNOLOGY LEGISLATION

Daniil Fedorov, Legal Assistant at OOO (LLC) "First Aid Law Consulting", Russian Federation, Moscow.

E-mail: daniilfedorov2012@yandex.ru

Abstract. *Legal fictions as a kind of legal technical device are considered in this paper. The author has analysed various definitions of the term as well as the presence of legal fictions in the information technology legislation of the Russian Federation and in the instruments of international law. The major conclusion of this study is that legal fictions should be more actively introduced in the information technology legislation as well as other branches of legislation of the Russian Federation. Another conclusion made was that information technology law contains a prevailing number of legal fictions of substantive law nature which is explained by the specific features of legal relationships regulated by this branch of law.*

Keywords: *legal fictions, legal technique, information technology law, information technology legislation.*

References

1. Tanimov O.V. Fiktsiia kak kategoriia iuridicheskoi nauki, Saarbrücken (Germaniia): LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012, 244 pp.
2. Kursova O.A. Iuridicheskie fiktsii sovremennogo rossiiskogo prava: sushchnost', vidy, problemy deistviia, *Problemy iuridicheskoi tekhniki*, pp. 450–455.
3. Pan'ko K.N. Iuridicheskie fiktsii v sovremennom rossiiskom prave, *Problemy iuridicheskoi tekhniki*: sb. st., pod red. V. M. Baranova, N. Novgorod, 2000, pp. 457–462.
4. Federal'nyi zakon No. 5485-I-FZ "O gosudarstvennoi taine" ot 21 iuliia 1993 goda, Rossiiskaia gazeta, 1993, No.-182.
5. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii, chast' 4, (priniat GD FS RF 21.11.2006) (red. ot 13.07.15), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2006, No.-52 (1 ch.), st. 5496.
6. Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia, M.: Sovetskaia entsiklopediia, t. 20: Plata—Prob, 1975, p. 1856.
7. Federal'nyi zakon No. 63-FZ "Ob elektronnoi podpisi" ot 6 apreliia 2001 goda, Rossiiskaia gazeta, 1993, No.-5451.
8. Tanimov O.V. Elektronnyi dokument i elektronnaia tsifrovaia podpis' kak iuridicheskie fiktsii, *Informatsionnoe pravo*, No. 3, 2005, pp. 10–13.
9. Tipovoi zakon ob elektronnoi trgovle, Rezoliutsiia General'noi Assamblei OON No. OON A/51/628 ot 16 dekabria 1996 g., *Ofitsial'noe izdanie Organizatsii Ob»edinennykh Natsii, N'iu-lork*, 1997.
10. Tanimov O.V. Sistema iuridicheskikh fiktsii v sovremennom rossiiskom prave, *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii*, 2007, No. 1, pp. 13–16.

SYSTEMATISATION AND UNIFICATION AS A LAW-MAKING AND INFORMATIONAL ACTIVITY

Liubov' Boevets, student at the National Research University Higher School of Economics, Russian Federation, Moscow.

E-mail: boevetz2010@yandex.ru

Abstract. *The forms, procedure, conditions, and stimuli of systematisation as well as the main requirements to systematisation are analysed in the paper. The paper also concerns unification, its main principles and goals. The author distinguishes such forms of systematisation as codification, incorporation, consolidation and sets forth the following topics: nine requirements to systematisation, the citizens' attitude to the harmonisation of legislation, the need to collect and process normative legal acts with a view to record their existence, the principles of systematisation, and the relationship between systematisation and unification. In the concluding part the author comes to the conclusion that the existence of systematisation and unification promotes a correct functioning of law and state.*

Keywords: *systematisation, legislation, normative legal acts, collection and processing of normative legal acts, consolidation, codification, incorporation, unification.*

References

1. Sivitskii, V.A. Sistematizatsiia zakonodatel'stva kak sposob razvitiia, M.: 2010.
2. Alekseev S.S. Obshchaia teoriia prava, M.: 1981.
3. Lorents D. V. Vladeľcheskaia zashchita v Rossii i Evropeiskom Soiuze: voprosy unifikatsii zakonodatel'stva i formirovaniia edinoobraznoi sudebnoi praktiki [Elektronnyi resurs], D. V. Lorents, sbornik IV Mezhdunar. nauch.-prak. konf. "Gosudarstvenno-pravovaia politika v Severo-Zapadnom regione" (25–26 oktiabria 2012 g.), pod obshch. red. K.N. Serova, A.V. Kuz'mina, SPb.: SPbGUSE, 2012, pp. 145–150. URL: <http://www.znaniium.com/>.
4. Striukov E. A. Obshchie podkhody k ponimaniuu unifikatsii normativnykh pravovykh aktov, E. A. Striukov, Iuridicheskaiia nauka i praktika, 2014, No. 2, pp. 285–289.

THE LEGAL CONTENT OF THE CITIZEN'S RIGHT TO IMAGE

Dmitrii Il'iutovich, student at the Faculty of Law of the National Research University Higher School of Economics, Russian Federation, Moscow.
E-mail: dmi-ilyutovich@yandex.ru

Abstract. *A general overview of Russian laws in the field of protection of the citizen's right to image is presented in the paper and some problems and gaps of Russian legislation in this sphere are pointed out. In this connection, opinions of different lawyers and the author's own opinion as well as the Russian and international court practice are presented.*

The material presented allows to draw a conclusion that it is necessary to further comprehend the concept of the citizen's right to image and to identify its distinctive features with a view to give it a precise and unambiguous definition.

Keywords: *right to image, citizen's image, non-material wealth, external appearance.*

References

1. Apelliatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 08.02.2013 po delu No. 11-1434.
2. Apelliatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 28.03.2014 po delu No. 33-10144.
3. Apelliatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 30.03.2012 po delu No. 11-2538.
4. Grazhdanskii kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 11.06.1964), Vedomosti VS RSFSR, 1964, No. 24, st. 407.
5. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaiia) ot 30.11.1994 No. 51-FZ, Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 05.12.1994, No. 32, st. 3301.
6. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' chetvertaia) ot 18.12.2006 No. 230-FZ (red. ot 28.11.2015), Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 25.12.2006, No. 52 (1 ch.), st. 5496.
7. Zakon RF ot 27.12.1991 No. 2124-1 (red. ot 13.07.2015) "O sredstvakh massovoi informatsii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 15.09.2015), Rossiiskaia gazeta, No. 32, 08.02.1992.
8. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniakh ot 30.12.2001 No. 195-FZ (red. ot 28.11.2015), Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 07.01.2002, No. 1 (ch. 1), st. 1.
9. Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii (priniata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 No. 6-FKZ, ot 30.12.2008 No. 7-FKZ, ot 05.02.2014 No. 2-FKZ, ot 21.07.2014 No. 11-FKZ), Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 04.08.2014, No.

- 31, st. 4398.
10. Konventsiiia o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (Zakliuchena v g. Rime 04.11.1950) (s izm. ot 13.05.2004), Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 08.01.2001, No. 2, st. 163.
 11. Postanovlenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 18 apreliia 2013 g., delo "Ageevy (Ageyevy) protiv Rossiiskoi Federatsii" (zhaloba No. 7075/10) (Pervaia Sektsiia), Biulleten' Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka, 2014, No. 1.
 12. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23 iyunia 2015 g. No. 25 "O primenenii sudami nekotorykh polozhenii razdela I chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii", Biulleten' Verkhovnogo Suda RF, No. 8, avgust, 2015.
 13. Federal'nyi zakon ot 18.12.2006 No. 231-FZ (red. ot 29.06.2015) "O vvedenii v deistvie chasti chetvertoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.07.2015), Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 25.12.2006, No. 52 (1 ch.), st. 5497.
 14. Federal'nyi zakon ot 22.11.1995 No. 171-FZ (red. ot 29.06.2015) "O gosudarstvennom regulirovanii proizvodstva i oborota etilovogo spirta, alkohol'noi i spirtosoderzhashchei produktsii i ob ogranichenii potrebleniia (raspitiia) alkohol'noi produktsii", Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 27.11.1995, No. 48, st. 4553.
 15. Beliaev V.A. Zanimatel'naia tsiviliistika, Zakonodatel'stvo, No. 6, 7, iun', iul' 2003.
 16. Grishaev S.P. Pravo grazhdanina na izobrazhenie, Grazhdanin i pravo, No. 9, sentiabr' 2012.
 17. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. Tolkovy slovar' russkogo iazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii, Rossiiskaia akademiia nauk, Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova, 4-e izd., dopolnennoe, M.: Azbukovnik, 1999, 944 pp., ISBN 5-89285-003-X.
 18. Erdelevskii A.M. Ob okhrane izobrazheniia grazhdanina, Zakonodatel'stvo, No. 7, iul' 2007 g.

Публикационная этика журнала «Правовая информатика»

Правовую основу обеспечения публикационной этики составляют международные стандарты: положения, принятые на 2-ой Всемирной конференции по вопросам соблюдения добросовестности научных исследований (Сингапур, 22-24 июля 2010 г.); положения, разработанные Комитетом по этике научных публикаций (The Committee on Publication Ethics – COPE) и нормы главы 70 «Авторское право» Гражданского кодекса Российской Федерации.

Редакция журнала «Правовая информатика» гарантирует соблюдение:

- › этики издания научных публикаций;
- › этики авторства научных публикаций;
- › этики рецензирования научных публикаций;
- › этики редактирования научных публикаций.

ЭТИКА ИЗДАНИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Редакция журнала «Правовая информатика»:

1. гарантирует соблюдение редакторской независимости и добросовестности при рассмотрении всех представленных к публикации материалов и принятие объективных решений без предубеждения к авторам по национальным или религиозным признакам, служебному положению; независимо от коммерческих интересов и отношений с Учредителем журнала; базируя свою политику на уважении личных прав автора и права на интеллектуальную собственность;
2. постоянно проводит политику журнала по обеспечению высокого качества публикуемых материалов;
3. редакция в качестве руководящих принципов редакционной деятельности декларирует актуальность, ясность, достоверность, обоснованность публикуемого научно-исследовательского материала;
4. в качестве основных принципов высокой квалификации публикуемых научно-исследовательских материалов редакция относит:
 - › **основательность и доказательность:** публикуемые результаты исследования должны быть выполнены качественно, в соответствии с этическими и юридическими нормами; авторы несут коллективную ответственность за свою работу и содержание публикации; публикация должна предоставлять достаточную информацию для того, чтобы другие исследователи могли повторить проведенные эксперименты;
 - › **честность:** авторы должны представлять результаты честно, без фальсификации или недобросовестного манипулирования данными;
 - › **полнота представленных материалов:** обзор и выводы из существующих исследований должны быть полными, сбалансированными и должны включать сведения вне зависимости от того, поддерживают они гипотезы и толкования автора публикации или нет;
 - › **взвешенность:** результаты нового исследования должны быть представлены в контексте результатов предыдущих исследований;
 - › **оригинальность:** авторы гарантируют, что предлагаемая к публикации работа является оригинальной и не была ранее опубликована нигде ни на каком языке; работа не может быть направлена одновременно в несколько изданий;
 - › **прозрачность:** в публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку, предоставление оборудования или материалов и иные виды поддержки (в том числе помощь специалистов по статистической обработке данных или технических писателей);
5. проводит политику по включению в состав редакционного совета и редакционной коллегии авторитетных ученых, активно содействующих развитию журнала;
6. осуществляет политику по систематическому **совершенствованию институтов рецензирования, редактирования, экспертной оценки публикаций**, гарантирующую точность, полноту, ясность, беспристрастность и своевременность экспертной оценки и исследовательской отчетности;
7. гарантирует проверку оригинальности публикуемых материалов, проводит при помощи соответствующего программного обеспечения **контроль публикаций** на предмет манипуляции с изображениями, плагиат, дублирующую или избыточную публикацию.
8. выносит решение о **принятии или непринятии** статьи к публикации на основании всех комментариев

9. независимых рецензентов в целом. Окончательное редакторское решение и причины его вынесения сообщаются авторам.

ЭТИКА АВТОРСТВА НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Авторы публикаций:

- должны гарантировать, что в список авторов включены только лица, внесшие значительный вклад в работу, а также что заслуживающие авторство исследователи не исключены из списка авторов;
- должны дать согласие на внесение их в список авторов и должны одобрить любые изменения в списке авторов, включая тех лиц, которые по каким-то причинам исключаются из списка соавторов;
- обязаны незамедлительно уведомлять Редакцию в случае обнаружения ошибки в любой поданной ими на публикацию, принятой для публикации или уже опубликованной работе;
- не вправе копировать из других публикаций ссылки на работы, с которыми они сами не ознакомились; цитаты и ссылки на другие работы должны быть точными, обращаясь, прежде всего к первоисточнику, и оформленными в соответствии с предъявляемыми требованиями;
- необходимо указывать авторство данных, текста, рисунков и идей, которые автор получил из других источников - они не должны представляться, как принадлежащие автору публикации; прямые цитаты из работ других исследователей должны выделяться кавычками и соответствующей ссылкой;
- материалы, защищенные авторским правом (например, таблицы, цифры или крупные цитаты), могут воспроизводиться только с разрешения их владельцев.

ЭТИКА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

1. Редакция гарантирует проведение независимого рецензирования материалов способом, позволяющим обеспечить честность и объективность высказывания относительно научной ценности предполагаемой к публикации статьи.
2. В соответствии с политикой журнала Редакция устанавливает процедуру проведения рецензирования представленных к опубликованию материалов.
3. Редакция оставляет за собой право отклонить материал без проведения независимого рецензирования в случае, если он будет сочтен низкокачественным или неподходящим для читателей журнала. Данное решение принимается честно и беспристрастно с учетом редакционной политики журнала.
4. Редакция пользуется услугами независимых рецензентов в отношении материалов, рассматриваемых для публикации, путем выбора лиц, имеющих достаточный опыт и не имеющих конфликта интересов.
5. В случае если со стороны рецензентов поднимается вопрос в отношении достоверности данных или целесообразности публикации научной работы, Редакция предоставляет автору возможность ответить на поставленные вопросы.
6. Редакция обеспечивает конфиденциальность материала авторов, а также сохраняет конфиденциальность личных данных рецензентов.
7. Редакция никому не сообщает статус материала в журнале, кроме авторов.

ЭТИКА РЕДАКТИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

1. Редакция принимает решение по принятию или отклонению публикаций свободно в соответствии с научным видением журнала, никто не вправе оказывать давление на редакцию.
2. Все редакционные требования размещены в информационных материалах для авторов на сайте журнала www.informatika360.ru.
3. В целях обеспечения достоверности публикуемых данных путем внесения поправок при обнаружении бесспорных ошибок в работе предусматривается возможность в кратчайшие сроки внести соответствующие поправки или исправить опечатки.
4. Редакция обязуется реагировать на все заявления или подозрения в неправомерном поведении в отношении проведенного исследования или публикации, исходящие от читателей, рецензентов или иных лиц.
5. Конфликты интересов редактора должны оглашаться публично. Редакторы не должны принимать решения в отношении материалов, в связи с которыми они имеют конфликт интересов.

Над номером работали:

Главный редактор	А.В. Федичев
Ответственный секретарь	Э.И. Атагимова
Ответственный редактор	Ю.В. Матвиенко
Литературный редактор	Е.В. Горбачева, Т.В. Галатов
Выпускающий редактор	И.Г. Колмыкова
Компьютерная верстка	А.С. Алексанян
Тиражирование (печать)	Н.Г. Шабанова